

**Национальное общество прикладной
лингвистики (НОПриЛ)**

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
НАЦИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

**Научно-исследовательский
журнал**

№ 3 (11)

**МОСКВА
2015**

УДК 81'33(063)

ББК 81.1я431

У 91

Главный редактор:

д. филол.н., профессор С.Г. Тер-Минасова (МГУ имени М.В. Ломоносова)

Заместитель главного редактора:

д. филол.н., профессор Л.В. Полубиченко (МГУ имени М.В. Ломоносова)

Ответственный редактор:

к.филол.н., доцент Н.А. Ахренова (ГСГУ, г. Коломна)

Технический секретарь:

А.А. Колесников

(Академия акварели и изящных искусств Сергея Андрияки)

Редакционная коллегия:

д.филол.н., профессор Л.И. Богданова (МГУ имени М.В. Ломоносова)

д.филол.н., профессор Т.Г. Добросклонская (МГУ имени М.В. Ломоносова)

к.культ., доцент О.Ю. Иванова (РосНОУ, г. Москва)

д.филол.н., профессор О.М. Карпова (ИГУ, г. Иваново)

к.филол.н., доцент М.И. Киосе (Институт языкознания РАН)

к.филол.н., доцент О.А. Ксензенко (МГУ имени М.В. Ломоносова)

д.филол.н., доцент Л.Н. Лунькова (ГСГУ, г. Коломна)

д.филол.н., профессор А.Л. Назаренко (МГУ имени М.В. Ломоносова)

д.п.н., профессор Е.Н. Соловова (МГУ имени М.В. Ломоносова)

Robert Ilson (University College London)

**У 91 Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. М.:
НОПриЛ, 2015. – 108 с.**

ISSN 2305-8838

Материалы журнала содержат статьи, посвященные актуальным проблемам изучения родного и иностранного языков, межкультурной коммуникации, перевода и другим аспектам современной лингвистической науки.

ISSN 2305-8838

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

(Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор))

ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 г.

Учредитель Национальное общество прикладной лингвистики. Адрес учредителя: 127572, Москва, ул. Новгородская, д. 22, к. 3, Председатель редакционной коллегии проф. Тер-Минасова С.Г. Подписано в печать 14.07.15 Формат 60х90/16. Усл.печ.л. 5,5. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

© Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ)

© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Кузьменкова Ю.Б., Братцева Е.Ф., Лосева А.В.	
Возможности использования жанрового подхода в обучении англоязычному научному письму	7

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Марчук Ю.Н. Качество машинного перевода и типология текстов	26
---	----

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

Киосе М.И. Синтаксические техники репрезентации образа референта прямой и непрямой номинации в тексте	34
Ковалева Т.А. Употребление фразеологических эвфемизмов в рамках концепта «возраст»	43
Лунькова Л.Н. Когнитивная лингвистика: причины возникновения и перспективы развития	50
Политова И.Н. Сложные словосочетания с информативно избыточным и информативно недостаточным словом	58

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ

- Мигдаль И.Ю.** Лингвокультурологический потенциал антропонимов вторичной номинации в рамках художественного текста 68
- Павлова М.С.** Национальная специфика и семантическая межъязыковая эквивалентность 78
- Трунова О.В., Бубнова И.А.** Грани и границы межкультурного общения Международный семинар «Язык, литература, культура как грани межкультурного общения» 85

CONTENTS

METHODOLOGY

- J. Kuzmenkova, E. Bratseva, A. Loseva** Genre approach in teaching academic writing in English 7

TRANSLATION

- Y. Marchuk** Quality of machine translation and typology of texts 26

LANGUAGE AND THOUGHT

- M. Kiose** Syntactic techniques in representing conceptual referents of direct and indirect textual names 34

- T. Kovaleva** The use of phraseological euphemisms within the concept of "age" 43

- L. Lunkova** Cognitive linguistics: the reasons and prospects 50

- I. Politova** Complex word-combinations with a superfluous information word and an insufficient information word 58

LANGUAGE, CULTURE, COMMUNICATION

- I. Migdal** Anthroponyms of Secondary Nomination and Their Linguo-Cultural Potential in a Literary Text 68

M. Pavlova National Specificity and Semantic Interlingual Equivalency 78

O. Trunova, I. Bubnova Verges and boundaries of intercultural communication International seminar "Language, literature and culture as verges of intercultural communication" 85

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Кузьменкова Юлия Борисовна

Julia Kuzmenkova

Братцева Елена Федоровна

Elena Bratseva

Лосева Алла Вадимировна

Alla Loseva

Возможности использования жанрового подхода в обучении англоязычному научному письму

Genre approach in teaching academic writing in English

Аннотация: В статье рассматривается проблема оптимизации методов обучения учащихся вузов (старшекурсников и аспирантов) основам научного письма на примере подготовки проекта исследования (project proposal) на английском языке. Авторы поднимают вопрос о способах повышения эффективности преподавания на основе сочетания традиционных и новых подходов к развитию академических навыков и делятся своим опытом создания курса, нацеленного на формирование и развитие профессиональной англоязычной компетенции. Предлагаемый подход, включающий некоторые элементы жанрового подхода, опирается на анализ употребления частотных речевых оборотов, характерных для научного письма на английском языке и используемых для решения различных коммуникативных задач. Пошаговая методика предъявления указанных оборотов для последовательного описания основных разделов проекта исследования (введения, обзора литературы и др.) является новаторской и может быть также полезной в качестве руководства для структурирования и подготовки различных научных работ. В статье демонстрируются особенности нового подхода и экспериментального курса, созданного на его основе, основные этапы апробации данного курса и полученные результаты.

Abstract: The authors address the issue of optimising methods used for instructing university level students (under- and post graduates) to write academic project proposals. The present article is mostly concerned with the question of how to incorporate traditional and novel approaches in the teaching process thus rendering it more efficient. The authors share their experience in working on an experimental course for learners interested in acquiring professional English language competencies. The approach offered is in line with traditions of the genre analysis and focuses on pattern phrases typical of English academic writing which are used to perform different communicative functions. To facilitate the work on grasping those functions pertaining to the conventional steps of proposal writing (reviewing literature, reporting on methodology etc.) it proved expedient to implement the innovative move and step procedure. The procedure considered is not confined to project proposal writing but is also intended to provide guidance for students working on different research papers. Finally, the results and benefits of the experimental study are discussed.

Ключевые слова: жанровый подход, научное письмо, проект исследования, профессиональная иноязычная компетенция, частотные речевые обороты, пошаговая методика, академические навыки.

Key words: academic writing, (academic) project proposal, competence in EAP, pattern phrases, move and step analysis, academic skills.

Предпосылки создания экспериментального курса. В настоящее время развитие академических навыков становится все более популярным, что представляется вполне оправданным и закономерным в свете все возрастающей необходимости укрепления международных контактов. Отметим, что навыки письменного научного общения на иностранном языке трактуются различными учеными неоднозначно, и, как нам представляется, среди вузовских преподавателей нет единого мнения в отношении оптимального подхода к их развитию. Достаточно остро ощущается проблема выбора адекватных методов для работы со студентами неязыковых вузов, чей уровень языковой подготовки недостаточно высок, поскольку многие из современных пособий (особенно зарубежных) адресованы «компетентным» пользователям – магистрантам и аспирантам, в достаточной мере владеющим навыками письменной речи [McCarthy, O'Dell, 2010; McCormack, Slaght, 2005]. Нередко такие пособия по обучению академическому письму более ориентированы на развитие *dissertation skills* (навыков работы над диссертацией: составление плана, описание методов сбора материала, формулировка задач исследования и т.п.), чем на развитие собственно языковых навыков, необходимых для ее написания [Walliman, 2004; White, 2007]. В данной статье мы поделимся опытом обучения студентов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) основам научного письма в рамках проведенного эксперимента, делая акцент преимущественно на развитие лексических навыков, и рассмотрим возможности использования нового подхода на примере подготовки проекта исследования (*project proposal*).

Кафедра английского языка для социальных дисциплин впервые всерьез столкнулась с необходимостью повышения эффективности обучения научному письму около восьми лет назад, когда в программу итоговых экзаменов для бакалавров

НИУ ВШЭ была включена подготовка и последующая презентация проектов их выпускных квалификационных работ на английском языке. Итоговая работа выполнялась в формате (*academic*) *project proposal*, который позволяет кратко и четко передать основное содержание проводимого исследования. Термин *project proposal* (или синонимичный ему *project report*¹), широко распространенный в сфере бизнеса и науки, не имеет, однако, прямых аналогов в русском языке [Торбик, 2012] и переводится как *академический* или *исследовательский проект*, *техничко-коммерческое предложение*, *отчет по проекту* и т.п. Мы будем трактовать его как *проект исследования*, который представляет собой достаточно подробный развернутый план исследовательской работы (общим объемом ок. 0,5 п.л.), аналогичный в общих чертах введению кандидатской диссертации, однако отличающийся от него наличием более строгих требованиях к оформлению и структурированию [Nebiu, 2002].

Итак, мы ставили перед собой задачу оптимизировать существующие методики и создать на их основе подход, включающий в себя инновационные элементы, для подготовки российских студентов к написанию проектов исследования на английском языке. Комплекс проблем включал в себя разработку программы экспериментального курса, позволяющего в сжатые сроки (72 час.) подготовить студентов к написанию и защите проектов, что предполагало необходимость выбора соответствующих учебных материалов и создание новых. Для реализации поставленной цели предстояло отобрать слова и словосочетания, принадлежащих к общенаучной сфере, для лексического минимума, определить типы упражнений и творческих заданий для развития профессиональной иноязычной компетенции и составить критерии оценки письменных проектов исследования на английском языке.

Многим языковым кафедрам знакомы подобные трудности, однако способы их преодоления в каждом конкретном случае являются в определенной степени уникальными. Представляется целесообразным в общих чертах

¹ В научной литературе также встречаются и такие термины, как *extended essay*, *long essay*, *dissertation*.

охарактеризовать выбранный нами подход, который оказался достаточно эффективным для получения положительных результатов. Ниже мы рассмотрим особенности экспериментального курса обучения научному письму, основные этапы его апробации и полученные результаты.

Целевая аудитория. Изначально в эксперименте участвовали только студенты 4-го курса факультета социологии, далее в него включили студентов ряда других неязыковых факультетов и аспирантов. Уровень владения языком студентов варьировался от *(pre)intermediate* до *advanced*, в то время как большинство аспирантов были *false beginners*.

Учебный материал. Основой обучения послужили: лексический минимум, состоящий из единиц, относящихся к общенаучной сфере, подборка характерных для академического дискурса речевых оборотов, сгруппированных в соответствии с разделами проекта, и аутентичные научные тесты различной тематики. (Отметим в скобках, что в задачи обучения не входило освоение терминов из конкретных областей специализации студентов; их выбором и коррекцией употребления занимались непосредственно преподаватели-предметники, руководители студенческих проектов). Данные извлекались нами из словарей и интернет-ресурсов с опорой на критерий частотности, и далее анализировались контексты использования отобранных слов и речевых оборотов в современных научных публикациях. Полученный корпус текстов состоял из фрагментов статей, написанных носителями английского языка и опубликованных в ведущих международных журналах, которые студенты прочли в ходе работы над проектами исследования (примерно 5000 аутентичных текстов по 10 000 п.з.). К критериям отбора научных текстов можно отнести аффилиацию автора и место издания, поскольку крупные издательства, как правило, принимают к публикации работы, в которых соблюдаются требования англоязычного академического сообщества. Выбранные статьи, как обзорные, так и научно-исследовательские, впоследствии частично вошли в ридеры по специальности для иллюстрации особенностей стиля научного письма и общепринятых международных норм.

Методика подачи. Задачей курса в целом было развитие навыков, необходимых для формирования профессиональной иноязычной компетенции; при этом главное внимание уделялось формированию академических навыков, позволяющих студентам использовать английский язык в учебной и научной деятельности, при дальнейшем обучении в магистратуре и аспирантуре и в последующей исследовательской работе в области специализации. Традиционно одним из важных аспектов обучения академическому письму считается расширение словарного запаса. При работе со старшекурсниками основной акцент делался на овладение общенаучной лексикой. В начале курса студенты получили по два списка английских и русских слов и словосочетаний (содержащих около 500 лексических единиц каждый) для того, чтобы начать работу по составлению лексического минимума. В ходе занятий студенты расширяли свои знания о лексической сочетаемости и синонимии и выполняли различные задания, направленные на расширение словарного запаса и развитие чувства языка. Для дальнейшего закрепления полученных языковых навыков на практике использовались дополнительные упражнения, которые включали задания на перифраз, подстановку, перевод и передачу содержания прочитанного с русского на английский, а также анализ научных текстов, критический разбор и оценку проектов, составленных выпускниками прошлых лет, чтобы минимизировать количество ошибок при написании своих работ. По окончании курса, сопоставляя слова из списков (и при необходимости добавляя другие), они составили две кратких версии (англо-русскую и русско-английскую) мини-словаря общенаучной лексики с учетом своих собственных потребностей.

Еще один важный аспект развития навыков академического письма предполагает освоение наиболее частотных речевых оборотов, характерных для стиля англоязычного научного дискурса. Существуют различные трактовки оборотов такого рода [Biber et al, 2003] и подходы к работе с ними. В отечественной литературе в помощь научным сотрудникам и аспирантам нередко приводятся списки фраз

(иногда с переводом) тематически организованные в соответствии с конкретными рубриками исследования [Назарова, 2004; Миньяр-Белоручева, 2009]. Наши зарубежные коллеги, занимающиеся написанием научных работ, широко используют интернет-ресурсы; наиболее популярным в настоящее время становится сайт *Academic Phrasebank* (так называемый «банк» фраз и выражений), созданный одним из директоров языкового центра манчестерского университета др. Дж. Морли. Сам подход к формированию «банка» опирается на работы Дж. Свэйлза [Swales, 1981, 1990], посвященные анализу речевых оборотов, характерных для различных разделов научных текстов, используемых при решении определенных коммуникативных задач.

На сайте (www.phrasebank.manchester.ac.uk) представлено большое разнообразие примеров (почерпнутых из диссертаций, выполненных в данном университете), иллюстрирующих возможности употребления речевых оборотов в различных разделах научной статьи или диссертации: введении, постановке проблемы, обзоре литературы и пр. Такие разделы (или «ходы» – *moves*, в терминологии Свэйлза) легли в основу тематической классификации данных «банка», обилие которых, однако, не всегда является преимуществом. Практика показывает, что интернет-ресурсы, несмотря на всю свою полезность, в большей степени ориентированы на компетентных пользователей и носителей языка, которые могут осознано сделать свой выбор. Студенты с низким уровнем владения иностранным языком, как правило, выбирают из этих «банков» выражения наиболее привлекательные и подходящие, по их мнению, для решения поставленных задач путем случайной выборки, что ставит под сомнение возможность широкого использования подобных «банков» в практике преподавания. Представляется целесообразным оценить методы работы с ними с точки зрения их эффективности для обучения и внести ряд корректив, исходя из потребностей студентов, для которых английский язык не является родным.

Специфика предлагаемого подхода. Проблема адекватного предъявления лексического материала рассматривалась нами, прежде всего, через призму практической полезности. При этом

мы придерживались жанрового подхода [Swales, 1990; Bhatia, 1993], который в нашем случае сводился к анализу особенностей *проекта исследования*, и пошаговой методики, отчасти напоминающей предложенный Свэйлзом [там же] анализ «ходов» и «шагов» (*Move and Step analysis*). В нашей рубрикации – по аналогии с разделами диссертации – можно выделить 5 основных разделов (или «ходов»), необходимых для написания проекта исследования: *введение, обзор литературы, используемые методы, ожидаемые результаты и заключение*. Рубрикация допускала при необходимости введение подразделов. Так, в рамках первых двух разделов можно выделить: 1) *the background of the study, the problem statement and scope of the study, terminology and key concepts, the professional significance of the study*; 2) *positive comments, the theoretical and empirical parts, critical evaluation*. Для успешного «перехода» от одного раздела к другому в каждом из них предлагались частотные речевые обороты, тематически объединенные в блоки, для последовательного использования которых предполагалась пошаговая методика.

Описанная рубрикация соответствует традиционным нормам представления результатов научных исследований, однако в основу организации лексического материала заложен принципиально иной структурно-функциональный принцип. При этом мы имеем в виду, что во главу угла выносятся структура английского предложения, и соответственно создаются модели речевых оборотов, используемых для решения конкретной коммуникативной задачи, определяемой тематикой раздела. Подобные модели иногда фигурируют в некоторых разделах *Academic Phrasebank*, например, при описании методов исследования (<http://www.phrasebank.manchester.ac.uk/describing-methods>).

Giving reasons why a particular method was adopted or rejected

A case-study approach was	used chosen adopted	to ensure that ... to help understand how ... to allow a deeper insight into ... to conduct this exploratory study...
---------------------------	---------------------------	--

		to evaluate the effectiveness of ... to determine the factors that affect ... to gain a detailed understanding of ... to assess the management practices of ... to obtain further in-depth information on the ... to provide rounded, detailed illustrations of the ... to capture the complexities of the phenomenon.
--	--	--

Однако моделирование такого рода не является системообразующим при группировке элементов, и составители «банков», как правило, ограничиваются простыми списками, и, реже, краткими рекомендациями, например, предлагая в ряде случаев употреблять обороты с инфинитивом цели, пассивные глагольные конструкции и пр. Представляется, однако, что преобразование длинных списков в компактные модели во многом облегчает работу студентов. Так, фрагмент списка из раздела оценки результатов исследования (<http://www.phrasebank.manchester.ac.uk/writing-conclusions>):

This research extends our knowledge of ...

This research provides a framework for the exploration of ...

These findings enhance our understanding of ...

The current findings add to a growing body of literature on ...

The present study provides additional evidence with respect to ...

The empirical findings in this study provide a new understanding of ...

можно преобразовать следующим образом:

This / the present research /study	extends our knowledge / understanding of ...
These/ the current / empirical findings	add to / provide additional evidence with respect to...

Практика работы со студентами показала, что с компактными блоками речевых оборотов, представленных в удобном табулярном виде, легче работать, поскольку область поиска значительно суживается: вместо выбора из длинного списка (порой насчитывающего более 100 фраз), предлагаемого

в соответствующем разделе *Academic Phrasebank*, студентам остается обработать примерно в 10 раз меньший объем информации. Кроме того, данная методика помогает усвоить различные структуры предложения и синонимичные выражения, используемые для выполнения аналогичных коммуникативных задач.

Таким образом, предлагаемый нами подход опирается на знание особенностей построения английских фраз и предполагает группировку лексических единиц в пределах тематических блоков по принципу взаимозаменяемости; при этом четырех или пяти «шагов» оказывается достаточно для того, чтобы завершить работу в рамках одного раздела (например, описать ожидаемые результаты) и перейти к следующему «ходу». Важной особенностью такой пошаговой методики был акцент на содержательной стороне высказывания, а разнообразные модели частотных фраз вводились, чтобы облегчить поиск адекватной формы его выражения. Поскольку для российских студентов английский язык не является родным, им было непросто осознать, что многие речевые обороты, характерные для русскоязычного научного письма, не имеют прямых аналогов в английской традиции и отказаться от поиска английских эквивалентов распространенных русских выражений. Одним из примеров такого рода может служить проблема адекватного описания *актуальности* исследования – и вовсе не потому, что зарубежные исследования не актуальны, а просто потому, что под таким углом зрения, какой принят у россиян, данная проблема не рассматривается. Отметим, что отчаянные попытки трактовать ее в терминах *topicality*, *urgency* и им подобных обычно непродуктивны и вызывают легкое недоумение у носителей английского языка из-за различий в общепринятых нормах.

Соответственно возникает необходимость избавить студентов от укоренившейся привычки переводить русские предложения слово в слово и научить сосредотачиваться на передаче смысла. Для достижения этой цели, прежде чем приступить к выполнению к-л. «шага», студенты должны были определить основную идею раздела (связанную с конкретной коммуникативной задачей) и подобрать так называемый

«заголовок» для блока на русском языке, отражающий общий смысл собранных в нем речевых оборотов. После этого им предлагалось закончить фразы, варьируя лексические единицы из блока и добавляя синонимы из их мини-словарей и т.п., а в заключение из полученных «заголовков» составить план, чтобы упорядочить проделанную работу.

Проиллюстрируем некоторые возможности использования пошаговой методики на примере описания научной значимости исследования [Кузьменкова, 2015: 48].

В рамках проекта предполагается решить ряд конкретных задач...

In the framework of the project / Seen in their relations to the general purpose	a number of specific / immediate aims / the first objectives to meet / tasks to achieve/the governing principles in the analysis/main interest and emphasis will	(obviously) be... / centre on.../ consist in... / could be confined to... / must necessarily be those of... / concern with...
The overall goal / The study of [x]	involves a necessity to.../ presupposes / requires...	an initial consideration of the general problems of [x]

Необходимо / Представляется важным исследовать / рассмотреть...

To reach / achieve attain the goal set / It seems / is/ will be	preferable / useful / extremely / particularly important / worthwhile/ increasingly possible / helpful / relevant to	identify a set of means employed/ To reach /achieve attain the goal set // characterise / consider/ investigate [x] in terms of / using / from a [z] point of view
		follow / develop certain of N's insights / work through the fundamental revolutionary consequences of N's innovations
		differentiate entities in a rank order of some kind/classify[z]

Поставленные вопросы представляют значительный интерес для...

The issue / question / problem	posed /raised studied / discussed / under consideration / considered	is / can be / is said to be / (normally) is	an urgent / top priority / a matter of paramount / utmost / great interest / importance / significance / scientifically interesting from the viewpoint of	for all those who are engaged in [x] / various scholars investigating [x]
--------------------------------------	---	---	--	---

Эта проблема является ключевой для понимания...

(On a more general level) (In much of the literature) This problem / idea / view / trend / perspective	is (increasingly) seen / considered as / became	central / essential / essentially relevant / currently significant	for understanding/ to better understand [x] / in the theory of / in interpreting [x]
--	---	--	--

Данная методика позволяла шаг за шагом проходить стандартные этапы процедуры исследования, опираясь на (составленный на основе «заголовков» блоков) план для каждого раздела проекта. При этом главная задача сводилась к выбору частотных речевых, добавлению необходимых терминов для завершения фраз, их логической организации и упорядочении конечного результата. Достаточно продуктивной пошаговая методика оказалась при работе со студентами с низким уровнем владения языком, которые постепенно приходили к выводу, что выбор адекватных фраз диктуется

определенной логикой, отражающей особенности конкретной научной традиции.

Однако для формирования и закрепления академических навыков у «слабых» студентов потребовался ряд дополнительных заданий, поскольку в условиях искусственно созданной языковой среды подготовка к письменной коммуникации вызывает большие затруднения. Для передачи содержания с русского языка на английский (*rendering*) были подобраны фрагменты научных текстов и тематически организованы в четком соответствии с разделами проекта. Примером может послужить фрагмент, посвященный формулировке целей и задач исследования и обоснованию их актуальности [Кузьменкова, там же: 88-89].

«В соответствии со сложившейся традицией культурологических исследований непосредственными целями, заявленными в рамках настоящего проекта, являются: изучить различные подходы к решению проблемы, предлагаемые современными теоретиками, и предпринять попытку обнаружить логическую подоплеку того или иного поведения людей – носителей рассматриваемых культур. Учитывая неослабевающий интерес к общению, представляется целесообразным придерживаться и развивать некоторые выводы профессора Н. в данной области. Более того, поскольку вопросы межкультурного общения сегодня, без сомнения, чрезвычайно актуальны, еще одна конкретная задача нашего анализа предполагает необходимость учитывать традиции – фактор, который все чаще признается исключительно значимым в теории коммуникации».

Для упрощения задачи нахождения английских частотных речевых оборотов их эквиваленты в русском тексте подчеркивались, чтобы студенты обращались к блокам соответствующего раздела, а не к дословному переводу, и могли передать суть высказываний. Далее продуктивным представлялось обсуждение различных способов передачи общего смысла фрагмента по-английски, значения конкретных выражений и особенности их употребления. Для сравнения ниже приводится один из возможных вариантов.

In conformity with the tradition of cultural studies, in the framework of my project the immediate aims presuppose: to explore various approaches to the problem that contemporary theorists have advocated and to make an attempt at revealing the underlying logic of people behaving this or that way in the cultures in question. Considering the continuous interest in communication it seems worthwhile to follow and develop certain of professor N's insights in this respect. Moreover, since there is currently much undeniable concern for cross-cultural issues, another specific aim of the analysis involves a necessity to consider traditions – the factor that is increasingly seen as essentially relevant in the theory of communication.

При необходимости такие фрагменты, выстроенные в логической последовательности, соответствующей общему плану работы, можно было использовать в качестве опоры при написании проектов исследования, поскольку эти отрывки иллюстрировали фактическое использование уже обсужденных стандартных фраз и оборотов. Обращение к такому «комбинированному» лексическому подходу представляется вполне оправданным при обучении в отрыве от естественной языковой среды и в достаточной мере стимулирует процессы овладения иностранным языком. Очевидно, что студенты продвинутого уровня имеют возможность творчески подходить к написанию своих проектов, реализуя свой научный потенциал.

Подводя итоги, можно отметить, что методы работы по подготовке студентов к написанию проекта исследования не ограничивались вышеописанными. В дополнение к ним вводились различные элементы подходов к обучению письменной речи, ориентированных, как на результат, так и на процесс (*the product and the process approaches*), такие, как контролируемое и свободное письмо, планирование, редактирование, корректирование, редактирование и др. В целом, рассмотренный подход обладает достаточной гибкостью и большими возможностями для обучения. Предложенная классификация частотных речевых оборотов по вышеуказанным рубрикам способствует определению структурных компонентов и общих моделей, характерных для различных разделов проекта исследования.

Апробация экспериментального курса. В первом (пилотном) проекте, запущенном кафедрой английского языка для социальных дисциплин НИУ ВШЭ в 2008 году, участвовали студенты отделения социологии, подавляющее большинство письменных работ которых соответствовало предъявляемым требованиям. Однако при посещении итогового экзамена приглашенный специалист из Лондонской школы экономики указала на два основных недостатка, а именно: определенную структурную несбалансированность проектов (которая весьма характерна для российского стиля написания научной работы) и отсутствие строго формализованных критериев оценки. В частности, было отмечено, что 3 основные раздела проекта исследования (*введение, обзор литературы и описание используемых методов*) должны быть пропорционально одинаковы по объему; в противном случае создается впечатление, что студент недостаточно разбирается в каком-то из них, уделяя ему мало места и, соответственно, внимания. (На экзамене таким слабым местом оказались методы).

Учитывая сделанные замечания и рекомендации, до начала следующего этапа в программу курса были внесены соответствующие изменения. Студентов познакомили с требованиями к подготовке проекта, существующими в зарубежных вузах, и их отличиями от российских и с особенностями логической организации и структурирования текста. Для решения другого вопроса, касающегося оценки проектов, был создан список критериев, основанный на британских и американских источниках и адаптированный к потребностям российской аудитории [Kuzmenkova, 2011].

На втором этапе (2009-2010 гг.) эксперимент распространился на студентов некоторых других неязыковых факультетов (менеджмента, психологии, истории, электроники и кибернетики) и аспирантов, специализирующихся в области электроники и кибернетики. На итоговых экзаменах бакалавров примерно такое же количество письменных работ было оценено положительно и одобрено другим зарубежным экспертом, приглашенным НИУ ВШЭ из Манчестера; впоследствии некоторые из этих проектов исследования были опубликованы (там же).

Письменные работы аспирантов (выполненные в ограниченном двухстраничном формате) превзошли все наши ожидания – и это при том, что их уровень владения английским языком был близок к нулевому. По итогам трудоемкой процедуры редактирования их проекты содержали достаточное количество частотных речевых оборотов, употребленных правильно и уместно, а изложение было организованно логически и последовательно. С учетом того, что это был их первый опыт академического письма, его можно считать успешным: всеми участниками были продемонстрированы явные усилия для того, чтобы отказаться от привычки дословного перевода и использовать языковые средства, соответствующие заданной цели. Таким образом, за пять лет апробации экспериментального курса были достигнуты положительные результаты, в особенности при подготовке студентов уровня (*pre*)*intermediate* и *false beginners*.

Третий этап (2013-2015 гг.) вполне закономерно распространился на студентов четвертого курса Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ. Первыми обучение в формате, предложенном головным вузом, начали студенты факультетов социологии, политологии и экономики; затем к ним присоединили студенты факультетов менеджмента и государственного и муниципального управления. В Санкт-Петербурге преподаватели взяли за основу программу, созданную московскими коллегами, и использовали при обучении академическому письму учебное пособие Ю.Б. Кузьменковой (там же), созданное по итогам успешной апробации. К положительным результатам работы, проделанной Санкт-Петербургскими преподавателями, можно отнести то, что большинство студентов в сжатые сроки сумели овладеть основами академического письма и базовой профессиональной лексикой.

В процессе подготовки проектов неизбежно возникали и проблемы. Так, обнаружилось, что некоторые работы содержали более 50% плагиата. При обсуждении вопроса о том, как избежать дословного копирования текста первоисточников, очень полезной оказалась информация раздела *Some notes on Plagiarism* [Swales, Feak, 2012: 196-202], где дается определение

плагиата, приводится целый ряд примеров, в которых анализируются возможные варианты ухода от него, и предлагаются разнообразные задания для закрепления полученных навыков с опорой на различные современные методики. Одним из эффективных способов, помогающих избежать дословного копирования текста, является использование синонимов и изменение грамматических конструкций, описанных в разделе *Paraphrasing* [там же: 202-206], где приводится большое количество слов и словосочетаний, которые часто встречаются в научных текстах, и их возможных синонимов. Также даются также примеры замены существительных на глаголы и ряд тренировочных заданий.

В связи с проблемой плагиата можно отметить, что московские преподаватели также обсуждали плагиат в процессе разработки критериев оценки студенческих проектов. Они пришли к выводу, что требование использовать в письменных проектах определенное количество частотных речевых оборотов в соответствии с той или иной дискурсивной функцией в значительной степени снижало возможность копирования фрагментов работ других авторов. Кроме того, требование представлять электронные версии проектов на хранение в библиотеку кафедры позволило выявить случаи плагиата. Однако перед коллегами Санкт-Петербургского филиала эта проблема стояла более остро – особенно в начале эксперимента.

В ходе апробации экспериментального курса в Санкт-Петербурге преподаватели также столкнулись с некоторыми другими проблемами, в числе которых надо отметить ряд трудностей, связанных с защитой проекта (умением делать научную презентацию, с искусством выступать публично, отвечать на вопросы экзаменаторов по окончании презентации и пр.), рассмотрение которых, однако, несмотря на их значимость, выходит за рамки данной статьи.

Подводя итоги, следует указать, что в последнее время существенно увеличивается количество студентов, которые заинтересованы в развитии профессиональной иноязычной компетенции. Они справедливо полагают, что свободное владение академическими навыками и знание базовых норм,

принятых в английской академической культуре, относятся к числу непереносимых условий, игнорируя которые невозможно стать полноправными членами международного научного сообщества. И перед преподавателями иностранного языка на первый план выходит важная задача поиска оптимальных стратегий для формирования и развития указанных навыков.

В заключение отметим, что итоги апробации проведенного нами эксперимента легли в основу курса обучения научному письму, помогающего студентам и аспирантам нефилологического профиля представить на английском языке результаты своей научной деятельности в соответствии с общепринятыми международными научными требованиями. Отзывы выпускников, полученные по итогам опроса, проведенного по завершении курса, в целом свидетельствовали о его целесообразности. Примечательно, что на вопросы о практической полезности полученных навыков и возможности их дальнейшего использования в своей профессиональной деятельности утвердительные ответы дали примерно 2/3 опрошенных студентов, а в случае аспирантов их количество было почти стопроцентным. На наш взгляд, такая разница в оценке объясняется тем, что далеко не все студенты связывают свою будущую профессию с научной деятельностью, и не всегда понимают, что академические навыки имеют достаточно широкую сферу применения, тогда как аспиранты, как правило, успели приобрести определенный опыт именно в научной работе. Неудивительно, что они стремятся совершенствовать свои академические навыки, поскольку это дает шанс публиковаться в зарубежных изданиях. Представляется, что разработанная пошаговая методика является дидактически эффективной не только при составлении проектов исследования, но и при написании научных статей, тезисов, докладов и пр., позволяя подготовить их на высоком профессиональном уровне.

Литература

1. Кузьменкова Ю.Б. Academic project presentations. Презентация научных проектов на английском языке. Учебное пособие для студентов старших курсов и аспирантов. 5-е издание. – Москва: Издательский дом «Сказочная дорога», 2015. – 132 с.

2. Миньяр-Белоручева А.П. Англо-русские обороты научной речи – Москва: «ФЛИНТА», 2009. – 144 с.
3. Назарова Л.Д. Элементы структурирования, корректности и эффективности научной речи. Методические рекомендации. – Орел: Издатель Александр Воробьев, 2004. – 28 с.
4. Торбик Е.М. Определение русскоязычного эквивалента project proposal посредством сопоставительного анализа синонимичных понятий // <http://research-journal.org>: Международный научно-исследовательский журнал. — 2012. doi: 10.18454/IRJ.2012.0001 — 8 стр.
5. Biber, D., Conrad, S., & Cortes, V. Lexical bundles in speech and writing: an initial taxonomy / Wilson A., Rayson P. & McEnery T. (eds.). Corpus linguistics by the Lune: a festschrift for Geoffrey Leech. – Frankfurt: Peter Lang. – 2003. – Pp. 71–93. – 68p.
6. McCarthy, M., O'Dell, F. Academic vocabulary in use. 3rd ed. – Cambridge: CUP. – 2010. – 359p.
7. McCormack, J., Slaght, J. English for academic study: Extended writing and research skills. – Garnet education: The University of Reading. – 2005. – 187p.
8. Walliman N. S. R. Your undergraduate dissertation: the essential guide for success. – Sage Publications. London – Thousand Oaks – New Delhi. – 2004. – 206p.
9. White B. Dissertation skills for business and management students. – Thomson. – 2007. – 234p.
10. Academic Phrasebank www.phrasebank.manchester.ac.uk
11. Bhatia, V.K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. London: Longman. – 1993. – 246 p.
12. Kuzmenkova, J. Academic project presentations. Teacher's book. – Moscow: Moscow State University Publishers. – 2011. – 132p.
13. Nebiu B. Project proposal writing. – Hungary, 2002. – 34 p.
14. Swales, J. Aspects of article introductions (Aston ESP Research Report No. 1). –Birmingham: Language Studies Unit: University of Aston. – 1981. – 94 p.
15. Swales, J. Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge: Cambridge University Press. – 1990. – 260 p.

16. Swales J. M., Feak Ch. B. Academic Writing for Graduate Student. Essential Tasks and Skills. (3rd edition). – The University of Michigan Press. – Michigan. – USA. – 2012. – 432 p.

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Марчук Юрий Николаевич
Yurii Marchuk

Качество машинного перевода и типология текстов

Quality of machine translation and typology of texts

Аннотация: Качество машинного перевода часто зависит от характера переводимых текстов. Некоторые характеристики текстов часто не заметны для человека-переводчика, однако на них часто реагирует система машинного перевода. Поэтому для того, чтобы сделать качество машинного перевода приемлемым, нужно совершенствовать типологию переводимых текстов.

Abstract: The quality of modern machine translation depends very often upon the type and certain characteristics of texts translated. These characteristics sometimes are not evident for human users. Therefore to make machine translation acceptable the type of the text should be most clearly specified in the framework of special typology.

Ключевые слова: машинный перевод, качество перевода, типология переводимых текстов.

Key words: machine translation, translation quality, typology of texts translated.

В мире постоянно растет объем переводов. Переводческая деятельность - это такой и вид деятельности, который не знает кризисов и перепроизводства. Переводятся в большинстве случаев тексты научно-технического характера – научные статьи, обзоры, доклады, патенты, рефераты и т.п.. Единый мировой язык еще не скоро упразднит проблемы переводов

Машинный перевод стал технологической реальностью. В Интернете имеется достаточное количество различных практических систем машинного перевода для разных языковых пар, в том числе и для таких экзотических, как русско-арабский, русско-китайский перевод и т.п. Каковы преимущества машинного перевода по сравнению с «человеческим»? Главное преимущество – быстрота перевода. Перевод человека занимает в несколько раз больше времени, чем перевод машинный. К тому же он стоит дорого. Человеческий перевод не избавлен от ошибок и индивидуальных языковых особенностей переводчика и редактора. Машинная обработка текста не зависит от склонностей человека. Даже в научно-технических текстах, как хорошо показала Л.И. Борисова [Борисова, 2005], перевод

общеупотребительной лексики имеет свои особенности, не говоря уже о переводе терминов. Альтернативы машинному переводу нет. Использование автоматических словарей в деятельности человека-переводчика и редактора также подключает его к новым информационным технологиям, но при этом сам процесс остается «человеческим» и не обладает необходимой быстротой и дешевизной.

История машинного перевода показывает, что разработка высокоэффективных систем чрезвычайно сложна и требует решения ряда кардинальных проблем моделирования человеческого интеллекта. Не нужно доказывать, что человеку-переводчику в целом ряде случаев приходится находить решение проблем с использованием большого количества разнообразной информации. Академик Ю.В. Рождественский отмечает, что машинный перевод является кардинальной проблемой искусственного интеллекта [Рождественский, 2003].

Типология текстов не привлекала особенного внимания переводоведов, хотя исследования в этой области безусловно были. Например, в работе В.Н. Комисарова достаточно подробно рассматриваются различные концепции типологии текстов, подлежащих переводу [Комиссаров, 2004]. Однако большинство имеющихся научных точек зрения на типологию переводимых текстов рассчитаны на понимание и применение человеком, на его образ мышления и интеллект, и не учитывают машинный «интеллект», в результате чего в практике машинного перевода мы имеем часто довольно неожиданные результаты. Так, довольно часто встречается такая ситуация, когда мы имеем два текста, совершенно похожие друг на друга с точки зрения человека, но один из них переводится компьютером вполне удовлетворительно, а второй совершенно не читается. Система машинного перевода реагирует на такие различия в лексике, синтаксических конструкциях, других лингвистических характеристиках, которые просто незаметны человеку-переводчику или редактору. При более тонкой типологии, с правильным учетом контекста можно было бы добиться положительных результатов в обоих случаях.

Немецкий переводовед А. Нойберт классифицирует переводимые тексты на основе их прагматической ориентации,

отмечает В.Н. Комиссаров. С этой точки зрения предлагается различать четыре типа текстов, отличающихся по степени переводимости в прагматическом плане. В первом типе текстов у оригинала и перевода имеются общие цели, основанные на общих потребностях. Содержание оригинала не предназначено исключительно для аудитории исходного языка (научно-техническая литература, рекламные объявления и т.п.). Общность цели означает, что у аудитории языка перевода могут возникнуть такие же прагматические отношения к сообщаемому и, следовательно, такие тексты обладают высшей степенью переводимости с прагматической точки зрения. Второй тип отношений в этой концепции характерен для текстов, исключительно предназначенных для аудитории исходного языка (официальные распоряжения, местная информация, развлекательные материалы и т.п.). Тексты законов, общественно-политическая литература, местная пресса настолько специфичны в прагматическом отношении, что, по мнению А. Нойберта, такие тексты в этом смысле принципиально непереводимы.

В.Н. Комиссаров, суммируя рассмотренные им типологии переводимых текстов, констатирует, что текст выступает как цель, объект и результат перевода и текстологические проблемы должны занимать важное место в современном переводоведении.

Надо заметить, что и в других исследованиях, посвященных теории и моделям перевода, например, в разработках В.Н. Крупнова, Л.Л. Нелюбина, Л.И. Борисовой и многих других, в формулировках и описаниях различных моделей перевода безусловно есть ссылки на те или иные типы переводимых текстов в связи с эффективностью той или иной модели перевода, [Крупнов, 2009; Нелюбин, 2007; Борисова, 2005]. Однако в самостоятельное направление типология текстов обычно не выделяется. Надо также особо отметить, что основы классификации типов текстов рассчитаны на человека – именно он определяет целенаправленность текста, главные характеристики текста в лингвистическом плане, прагматическую направленность и т.п. Между тем, когда мы рассматриваем такой вопрос как низкое качество работы

современных систем машинного перевода, главной характеристикой ошибок является их разнообразие, что в первую очередь бросается в глаза. Это обстоятельство дает основание некоторым специалистам вообще отвергнуть идею машинного перевода [Орел, 2009].

Низкое качество автоматического перевода заметно в первую очередь на переводе лексики. Переводятся в основном научно-технические тексты. Лексика этих текстов, как определила Л.И. Борисова, специалист по научно-техническому переводу, может делиться по двум возможным направлениям. Первое: можно различать общеупотребительную, общенаучную и терминологическую лексику, т.е. три слоя. Второй подход: различать только общеупотребительную (общенаучную) и терминологическую лексику, т.е. не отделять общенаучную лексику от общеупотребительной. Л.И. Борисова, как мне представляется, совершенно обоснованно придерживается второго подхода [Борисова, 2005]. В научно-технических текстах общеупотребительная лексика часто приобретает значения, не зафиксированные в обычных словарях. Так, можно встретить выражение *the beauty of this method is...* Ясно, что перевод «красота этого метода» вряд ли возможен, имеется в виду «эффективность» этого метода. Примеров такого рода достаточно много. В современном общении трудно провести грань между общеупотребительными словами и терминами. Интересно, что, как показал С.В. Гринев-Гриневиц, при возникновении человеческой речи первыми словами были термины (огонь, охота, лев и т.п.) [Гринев-Гриневиц, 2008].

Современные системы машинного перевода, как правило, предлагают пользователю некоторые наборы словарей по разным предметным областям, при этом отделяя словари терминов от словарей общеупотребительных слов [Хроменков, 2005]. Тем не менее, взаимодействие этих словарей часто происходит таким образом, что появляются самые нелепые ошибки в переводе слов и словосочетаний. Иногда существенную роль играет порядок применения словарей – какой словарь работает первым.

Разработчики систем машинного перевода уже осознали необходимость более точной типологии текстов, подлежащих

переводу. Так, Л.Н. Беляева предлагает довольно детальную типологию переводимых текстов, в рамках которой учитываются такие характеристики как структура текстов, функциональный стиль, регистр, жанрово-стилистические особенности, форма презентации текстов, отношение субъекта к переводу текста, основная прагматическая функция и другие аспекты [Беляева 2007]. В исследовании Л.Н. Беляевой уже предусмотрен этап предварительного автоматического анализа текста, подлежащего переводу, а именно выявление различного рода формальных признаков деления связного текста на предложения, структурный анализ текста, опора на формальные признаки, позволяющие определить границы анализа и т.п. Однако можно отметить, что при этом основная часть работы по определению типа текста, решение о применении тех или иных словарей и другие аспекты обработки текста требуют решения со стороны человека-редактора. Между тем хотелось бы полностью передать задачу о выборе словарей, способов анализа и синтеза выходного текста и другие задачи перевода на решение самой системы машинного перевода, ориентированной на перевод именно данного типа текстов, который сама система могла бы установить.

Представляется, что важным средством для типологии текстов может выступать контекстологический словарь для разрешения многозначности слов. Этот словарь был составлен в коллективе разработчиков системы машинного перевода АМПАР. Идея такого словаря продолжает оставаться актуальной. Контекстологический словарь составляется на основе конкорданса из текстов исходного языка и текстов соответствующих переводов (параллельных текстов). Контекст при этом понимается как наиболее частое, типовое лингвистическое окружение анализируемого многозначного слова. Выбор нужного перевода осуществляется в результате работы алгоритма, запрашивающего контекст на наличие или отсутствие детерминанты, т.е. лингвистического признака для соответствующего перевода слова [Марчук 2007]. Такой словарь уже связан с определенным типом текстов, поскольку для каждого многозначного слова он задает определенное лингвистическое окружение, в целом составляющее

лингвистическую характеристику типа переводимого текста. Определение типа текста дает возможность ориентировать систему машинного перевода на учет и обработку других лингвистических составляющих, таких, например, как фразеологию, синтаксические структуры, морфологические характеристики и т.п.

Таким образом, типологию текстов, которая удовлетворяла бы требованиям определенной системы машинного перевода и позволяла получать достаточно качественный машинный перевод без существенного вмешательства человека-редактора, можно строить с учетом двух основных факторов. Первый - определение возможностей данной конкретной системы машинного перевода в области перевода лексики. Здесь особую роль будет играть контекстологический словарь, если он есть в данной системе. Он определяет состав текстов в первую очередь с лексической точки зрения, хотя в нем есть также детерминанты – языковые признаки – которые относятся и к другим уровням языковой структуры, например, к морфологии и синтаксису. Например, синтаксический признак «сказуемое» или «определение» может быть решающим для точного перевода некоего слова английского языка на русский язык. Текст можно проверять на наличие или отсутствие определенной категории терминов или общеупотребительных (общенаучных)

слов. Такая проверка позволила бы определить, во-первых, какой из терминологических специальных словарей нужно включать в работу в первую очередь, и, во-вторых, в какой последовательности должен работать словарь общеупотребительной лексики. При этом в построении системы словарей можно исходить из того, что словарь общеупотребительной лексики будет взаимодействовать с некоторым конечным набором отраслевых терминологических словарей, содержащих термины конкретной предметной области. Эти последние словари могут пополняться в зависимости от потребностей в новых терминах для конкретных текстов.

Второй фактор - опора на возможности системы с учетом особенностей конкорданса параллельных текстов, на основе

которого построена система. Если в первом случае желателен опытный перевод текстов, то в этом факторе такой перевод может не потребоваться. Типологию переводимых текстов в данном случае определяет человек-редактор, исходя из общих характеристик текстов, послуживших основой для построения системы машинного перевода. Примером такой типологии, довольно успешно действующей, является Гренобльская система во Франции, предназначенная и используемая в промышленном режиме для перевода текстов текстильной промышленности [Марчук 2007]. При переключении такого рода системы на перевод текстов, обладающих другими характеристиками, основное внимание должно уделяться структуре системы, возможностям адаптации данной структуры к характеру новых текстов.

Представляется также, что современное внимание к проблемам дискурса также поможет найти практические решения, позволяющие реализовать концепции типологии текстов, подлежащих машинному переводу.

Литература

1. Беляева Л.Н. Теория и практика перевода./ Л.Н.Беляева,- С-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 2007, - 211 стр.
2. Борисова Л.И.. Лексические особенности англо-русского научно-технического перевода/. Л.И.Борисова -М., Тезаурус, 2005, -215 стр.
3. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение./ Гринев-Гриневиц. - М., Академия, 2008,- 303 стр.
4. Крупнов В.Н. Гуманитарный перевод./ В.Н. Крупнов - М.. Академия, 2009,- 159 стр.
5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение./ В.Н. Комиссаров - М., ЭТС, 2004,- 421 стр.
6. Марчук Ю.Н. Лексика и новые информационные технологии. М.. МГОУ. 2015, -207 стр.
7. Марчук Ю.Н. Модели перевода. М., «Академия», 2010, -174 стр.
8. Марчук Ю.Н. Компьютерная лингвистика./ - Ю.Н. Марчук .,- М. Восток-Запад, 2007,- 317 стр.
9. Марчук Ю.Н. Контекстологический словарь для машинного перевода многозначных слов с английского языка на

- русский. М., Всесоюзный Центр переводов, 1976, часть 1, 264 стр..часть 2, 256 стр.Ю.Н. Марчук – ВЦП, 1976, /
10. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода./ Л.Л. Нелюбин - М., МГОУ, 2007,- 187 стр.
 11. Орел М.А. Стоп машина!// М.А.Орел. М.. журнал «Мосты», № 4 (24)/2009,- стр. 50-59.
 12. Рождественский Ю.В. Философия языка. Культуроведение и дидактика. Современные проблемы науки о языке./ Ю.В.Рождественский, - М., Грантъ, 2003,- 239 стр.
 13. Хроменков П.Н. Современные системы машинного перевода./ П.Н. Хроменков, - М., МГОУ, 2005, - 159 стр.

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ

Киосе Мария Ивановна
Maria Kiose

Синтаксические техники репрезентации образа референта прямой и непрямой номинации в тексте²

Syntactic techniques in representing conceptual referents of direct and indirect textual names

Аннотация: В статье анализируются синтаксические техники (реализующие категорию актуального членения предложения), используемые автором текста для создания и изменения непрямого и прямого статуса текстовой номинации. На основе их систематизации (на материале выборки из современных художественных текстов) сделаны выводы о решающей роли акцентной / неакцентной позиции в оформлении статуса номинации.

Abstract: The paper focuses on syntactic techniques (realizing the category of actual division of a sentence) used by the author to maintain and transform the indirect and direct status of textual names. The analysis of selected contemporary fiction examples has revealed the decisive role of accented / non-accented position in representing the name status.

Ключевые слова: прямая и непрямая номинация, образ референта, тема и рема, акцентная позиция.

Key words: direct and indirect names, conceptual referent, theme and rheme, syntactic accent.

Изменение статуса номинации с прямого на непрямой и обратный процесс связаны с определенными трансформациями концептуальной структуры конструируемого образа референта. Данные трансформации осуществляются различными когнитивными техниками (такими как техники концептуализации, перефокусирования, конвенционализации, др.). Можно ли при этом говорить и о существовании языковых техник, которые оформляют разные образы и указывают читателю на статус номинации?

Для решения обозначенной проблемы представляется целесообразным систематизировать языковые техники наименования с учетом прямого и непрямого статуса номинаций и по итогам такого анализа определить группу параметров, которые с той или иной степенью однозначности связываются

² Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №14-28-00130). Работа выполнена в ФГБУН «Институт языкознания РАН».

со статусом номинации³. Ввиду вторичности языковых параметров по отношению к когнитивным действие первых будет во многом определяться когнитивными техниками, но именно языковые параметры играют роль первой ступени в распознавании когнитивно-прагматических намерений автора. Особое место при этом принадлежит синтаксическим параметрам и техникам, которые оформляют различные типы синтаксических фокусов предложений: идентифицирующих, классифицирующих, характеризующих. Однако когнитивные техники конструирования образов референта прямых и не прямых номинаций также задействуют эти три типа фокусов, и как результат конструируются различные образы референта (образы референта прямых идентифицирующих, классифицирующих и характеризующих номинаций, а также не прямых классифицирующих и характеризующих). Как синтаксические техники раскрывают семантическую структуру образа референта? Отметим, что само признание такой зависимости обосновано во многих работах, посвященных анализу типов наименования [Арутюнова 1978, 1990]; коммуникативной структуры высказывания [Падучева 1998; 2003; Богуславский 1998; Плунгян 2008; Золотова 2010; Сигал 2012; Bolinger 1961; Anderson 1997]; кореферентной доступности [Givón 1987; Tomlin 1987]. Но как эти проявления связаны со статусом номинации в тексте?

Материалом анализа послужили тексты современных англоязычных и русскоязычных художественных произведений, из которых методом сплошной выборки отобрано около 3,5 тысяч кореферентных номинаций, из которых по меньшей мере одна определяется как не прямая.

Продемонстрируем разнообразие возможностей реализации техник наименования образа референта номинации в теме и реме высказывания на текстовых примерах не прямой номинации. Отметим, какие синтаксические позиции могут занимать при этом номинации.

³ Подробнее о данном методе анализа см. в [Кюсе 2014].

1. Позиция в именной части сказуемого:

(1) – *Who are you? – Phil Rocca, kid. I'm a nothing.* (M. Spillane, p. 59)

В данном случае непрямая номинация (это именно номинация, так как наблюдается гибридизация категорий номинативности и детерминативности) оформлена категорией ремы. Это самая сильная (акцентная) позиция в реме.

2. В структуре прямого дополнения:

(2) – *А тот человек?*

– *Я ему сделал выкинитейн.* (Ю. Трифонов, с. 85)

3. В структуре косвенного дополнения:

(3) *I knew the neighbourhood. I even know the tricks that could make me king of **this garbage heap**.* (M. Spillane, p. 62)

4. В позиции подлежащего:

(4) *Но в ответ из кармана жарыгинской лайковой куртки донесся Вагнер - «Полет валькирий». Режиссер вынул новейший мобильник.* (Ю. Поляков, с. 47).

В данном примере наблюдается сдвиг позиции подлежащего «вправо», что свидетельствует об усилении синтаксической позиции номинации, ее переходе в реме высказывания. Как мы полагаем, это происходит за счет непрямого статуса номинации и содержания в структуре ее образа нового классифицирующего фокуса.

(5) *Молчит его «гвардия». Пыхтит, ойкает, задыхается. Но лезут. Упрямо лезут, зло.* (Б. Васильев, с. 169)

Здесь наименование образа в реме обусловлено актуализацией характеризующего фокуса образа.

Отметим примеры, где наименование подлежащего в реме не сопровождается сдвигом позиции «вправо», однако рематический характер синтаксической категоризации определяется контекстом номинации. Рассмотрим следующий пример:

(6) *Великий князь Дмитрий Павлович стоял перед машиной настороже – рука «царственного юноши» не должна дотрагиваться до преступного тела.* (Э. Радзинский, с. 525)

В данном случае определение позиции номинации как рематической обусловлено особенностями конструирования информации в тексте.

В первом случае описывается ситуация убийства Распутина, приказание осуществить это действие отдает великий князь Дмитрий Павлович. Введение прямой номинации референта (причем за счет актуализации идентифицирующего фокуса «имя») предшествует непрямой номинации, находясь с ней в структуре одного высказывания. Однако соотнесение ментальных пространств Низость / Подлость и Благородство результирует появление активного характеризующего фокуса в структуре образа референта, что способствует перемещению данного номинативного комплекса в рему высказывания.

Далее обратимся к анализу наименования образа референта в теме. Рассмотрим пример использования номинации в составе подлежащего, который интересно сравнить с примером (6):

(7) *Как всегда мысль о «**кругах**» наполнила его темным гневом. Паяцы и мастодонты, торгаши и дебилы.* (В. Аксенов, с. 12)

На первый взгляд данная номинация вне контекста также должна быть рематической. Однако приведем предшествующий контекст:

*Примерно так представлял себе Лучников обсуждение «**в кругах**» кандидатуры своего отца* (Там же).

Как видно из контекста, номинация «в кругах» не только уже используется в тексте в отношении к тому же референту (общество либералов), но и определяется в ближайшем контексте. Это дает нам право утверждать, что номинация определяется в теме высказывания, хотя и находится в ее акцентной позиции.

О чем может свидетельствовать такая техника наименования? Мы полагаем, что она указывает на изменение статуса номинации, постепенный переход номинации из непрямой в прямую, которая воспринимается как устойчивая применительно к данному референту в данной текстовой ситуации. Известно, что тема в структуре высказывания организована таким образом, что в ее центре находятся идентифицирующие элементы. Реме свойственна организация с предикативными элементами в центре. Поэтому логично предположить, что тема чаще оформляет образ номинации с

идентифицирующим фокусом, в то время как рема – номинации с характеризующим или классифицирующим фокусом.

Изучение синтаксических особенностей оформления образа референта не прямой номинации с учетом различных моделей перефокусирования убедительно демонстрирует большую частотность такого конструирования. Покажем это на примерах:

(8) *Why he should have captivated Scarlett when **his mind** was a stranger to hers she didn't know.* (M. Mitchell, p. 29)

В примере не прямая номинация *a stranger* в реме означает образ референта, фокус которого является характеризующим. Мы наблюдаем сближение двух непересекающихся пространств Объект живой природы и Человек. В фокусе нового образа оказываются характеризующие элементы «непонятный, иной, отличающийся тем что...». Номинация имеет статус не прямой. Рассмотрим следующий пример:

(9) *В автомашине сидели два человека. Оба были бородатые, только один черный, а другой – рыжий. Бородачи вылезли из автомашины и подошли ко мне.*

– Кто таков, – спросил чернобородый. <...>

– Чей ты человек? – допытывался рыжебородый. <...>

Рыжий быстро развязал свой кушак, стянул мне за спиной руки и бросил в автомашину. (Л. Гераскина, с. 283)

Номинация *рыжий* (выделена жирным шрифтом) определяется в теме. Это обусловлено тем, что данная номинация уже ранее использовалась в текстовой ситуации применительно к одному и тому же референту. Также компонент *рыжий* дублируется в составе лексики *рыжебородый*. Это позволяет снизить активность характеризующего фокуса в образе референта номинации и определять номинацию уже не как характеризующую референт, а как идентифицирующую. Такая роль, роль идентифицировать референт в высказывании, реализуется темой.

Необходимо отметить, что в реме могут находиться и прямые номинации образов референта с классифицирующим или характеризующим фокусом. Поэтому наименование в теме и реме может указывать на статус номинации, но выступать в

качестве «жесткого» параметра не может. Однако оформление образа референта с помощью категории актуального членения высказывания во многих случаях способствует определению статуса номинации в тексте, особенно с учетом акцентной роли компонентов ремы и темы.

Так, основным синтаксическим проявлением конвенционализации не прямой номинации при повторном ее использовании для означивания того же референта может служить ее использование в теме. Рассмотрим следующие примеры:

(10) *И тут мадам Дантон схватила **первое попавшееся**, и бросила **этим первым попавшимся** прямо в котенка.*

(11) ***Первое попавшееся** под руку летело, трепеща и махая белыми крыльями. <...>*

(12) ***Первое попавшееся** улеглось и успокоилось. Отметим, что это была книжка Недопесок, которой мадам Дантон наслаждалась на ночь.* (Ю. Коваль, с. 35)

Первое использование структуры *первое попавшееся* не является примером реализации непрямого статуса номинации, это эллиптическая структура с затушеванным идентифицирующим фокусом. Повторная актуализация этой структуры, по нашему мнению, демонстрирует не прямое наименование, показателем чего служит использование идентифицирующего местоимения *этим* (ср. *бросила первым попавшимся* и *бросила этим первым попавшимся*) в составе непрямого номинативного комплекса, что реализует номинацию как структуру с двумя фокусами: идентифицирующим и характеризующим. Последующие номинации *первого попавшегося* с затушеванным характеризующим фокусом перемещаются в тему.

Неакцентная позиция не прямой номинации в реме может быть связана, как мы указали выше, с ослаблением фокуса образа. Например:

(13) *В зале стоял тот особый столовский запах... Обычно на таких **пищевых стадионах** слышен неумолкающий гул голосов, звон тарелок и скрежет ложек.* (Ю. Поляков, с. 118).

Непрямой номинативный комплекс с характеризующим фокусом реализован в неакцентной позиции в реме. Смещение

позиции комплекса сигнализирует об ослаблении данного типа фокуса, его некотором ослаблении. Дополнительно усиливает идентифицирующий фокус и использование указательного местоимения *таких*. Такое ослабление фокуса мы связываем с его повторной актуализацией в данной номинации, тот же фокус является активным в предшествующем высказывании с участием лексем *столовский запах*.

Можно указать на существование некоторых факторов, ослабляющих фокус образа референта не прямой номинации. Рассмотрим их.

Фокус может быть ослабленным вследствие использования номинации, становящейся устойчивой в языке, т. е. приобретающей фразеологический характер (данное употребление номинации по отношению к этому референту может быть отражено в словаре):

(14) *Полегче стало: кисель пожизне, дно попрочнее, даже кочки кой-где появились.* (А. Приставкин, с. 169)

Сам образ референта конструируется с участием метафорической техники перефокусирования со сближением двух непересекающихся пространств Природный объект (болото) – Объект – результат человеческой деятельности (напиток, кисель). В фокусе при этом находятся элементы «вязкий, клейкий». Однако неакцентная позиция номинации в реме способствует ослаблению характеризующего потенциала. В данном случае это оправдано относительно устойчивым в языке употреблением номинации *кисель* для означивания образа болота (см., напр., значение 4, топкая грязь, для *Кисель* в [Даль: эл.изд.].

Фокус может быть ослаблен и как результат повторного употребления номинации в тексте в отношении одного референта:

(15) *Представьте себе, господа, это животное не ест и не пьет [о Распутине].* (Э. Радзинский, с. 517)

Непрямой номинативный комплекс представлен двумя компонентами. Фокус номинации *животное* характеризующий. Конструирование образа референта происходит с участием метафорической техники перефокусирования. В фокусе – элементы «грубый, низкий» (за счет сближения двух

непересекающихся пространств Человек и Животное). Номинация используется в тексте несколько раз применительно к референту и становится устойчивой. Поэтому номинация может находиться в теме. Отметим также, что распознать референт номинации помогает использование дейктического местоимения *это*, которое играет идентифицирующую роль, ограничивая круг возможных референтов для конструирования образа.

Подведем некоторые итоги.

Акцентная позиция непрямой номинации свидетельствует о сильном фокусе образа; в неакцентной позиции в реме фокус образа референта непрямой номинации ослабевает, свидетельствуя в большинстве случаев о затушевывании этого фокуса и изменении статуса номинации с непрямой на прямую. В акценте темы фокус образа референта непрямой номинации также является более слабым, при этом активность приобретают идентифицирующие элементы образа референта. Это также свидетельствует о смене статуса номинации. Сделанные выводы позволяют не только подтвердить существующую взаимосвязь между синтаксическими и семантическими проявлениями фокуса, но и обнаружить синтаксические показатели семантического статуса номинации.

Литература

1. Аксенов, В. Остров Крым. – М.: Изографъ, Эксмо, 2005. – 400 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Синтаксические функции метафоры // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. – 1978. – Т. 37. – С. 251–262.
3. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс [Вступ. статья] // Теория метафоры [под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной]. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.
4. Богуславский, И.М. Сфера действия начинательности и актуальное членение: втягивание ремы // Критика и семиотика. – 1998. – № 36. – С. 8-18.
5. Васильев, Б. А зори здесь тихие. – М.: Эксмо, 2005. – 768 с.
6. Гераскина, Л. В стране невыученных уроков // Сказочные повести. – М.: Интерфейс, 1993. – С. 213-300.

7. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – СПб., 1863-1866. – Режим доступа: URL: <http://slovari.yandex.ru/>. Дата обращения: 14.03.2012
8. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса [Лингвистическое наследие XX века]. – М.: URSS, 2010. – 6-е изд. – 366 с.
9. Коваль, Ю. Шамайка. – М: Детская литература, 2006. – 124 с.
10. Киосе, М. И. Наименование в тексте: прямое и не прямое. – М.: Онтопринт, 2014. – 323 с.
11. Падучева, Е.В. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Критика и семиотика. – 1998. – №38. – С. 82-107.
12. Падучева, Е.В. Акцентный статус как фактор лексического значения // Известия АН, Серия литературы и языка. – 2003. – Т. 62, №1. – С. 1-14.
13. Плунгян, В.А. Предисловие: Дискурс и грамматика // Грамматические категории в дискурсе [под ред. В.А. Плунгяна, В.Ю. Гусева, А.Ю. Урманчиева]. – М.: Гнозис, 2008. – С. 7-34.
14. Поляков, Ю. Гипсовый трубач или конец фильма. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 381 с.
15. Приставкин, А. Ночевала тучка золотая. – М.: Зебра Е, 2009. – Т. 2. – 480 с.
16. Радзинский, Э. Распутин. Жизнь и смерть. – М.: АСТ, 2007. – 560 с.
17. Сигал, К.Я. Проблемы теории синтаксиса. – М.: Ключ-С, 2012. – 164 с.
18. Трифонов, Ю. Дом на набережной. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 221 с.
19. Anderson, J.M. A notional theory of syntactic categories. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 352 p.
20. Bolinger, D.L. Generality, gradience, and all-or-none. – The Hague, 1961. – 46 p.
21. Givón, T. Beyond foreground and background // Coherence and grounding in discourse [ed. R.S. Tomlin]. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1987. – P. 175-168.

22. Mitchell, M. Gone with the wind. – New York: Avon Books, 1983. – 848 p.
23. Spillane, M. The tough guys. – М: Внешсигма, 1995. – 190 с.
24. Tomlin, R.S. Linguistic reflections of cognitive events // Coherence and grounding in discourse [ed. R.S. Tomlin]. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1987. – P. 455-479.

Ковалева Татьяна Анатольевна
Tatyana Kovaleva

Употребление фразеологических эвфемизмов в рамках концепта «возраст»

The use of phraseological euphemisms within the concept of "age"

Аннотация: Использование фразеологических эвфемизмов маскирует суть происходящего, зачастую пряча мрачные явления действительности под маской мнимого благополучия. Также фразеологические эвфемизмы отображают культуру и обычаи определенного народа, тем самым их изучение необходимо для более полного познания культуры народа. Поэтому и анализ фразеологических эвфемизмов концепта «возраст» указывает на то, что англичане и американцы не склонны говорить правду, тем более касающиеся табуированной темы «возраст».

Abstract: The use of phraseological euphemisms masks what was going on, often hiding the darkest aspects of reality under the guise of the imaginary being. Also phraseological euphemisms reflect the culture and customs of a particular nation, thus their study is needed to better knowledge of people's culture. Therefore, the analysis of phraseological euphemisms within the concept "age" indicates that the British and the Americans are not inclined to tell the truth, especially about such a taboo topic as "age".

Ключевые слова: фразеологические эвфемизмы, концепт «возраст», политкорректность.

Key words: phraseological euphemisms, the concept of "age", political correctness.

Фразеологические эвфемизмы, представляющие собой уникальное явление языка, используются в повседневной речи и играют важную роль в стремлении завуалировать или смягчить некоторые явления действительности и процессы, а также отражают лингвокультурное наследие той или иной страны, так как они характеризуются большей семантической емкостью, чем однословные эвфемизмы, представляют собой более экспрессивный способ эвфемизации, позволяют более образно

выразить отношение к системе общественных ценностей, а так же отражают культурно-исторический опыт народа и его представления о допустимом и недопустимом [Ковшова, 2007].

Фразеологические эвфемизмы охватывают все сферы жизнедеятельности человека. Но одной из противоречивых тем эвфемизации является концепт «возраст». Своеобразие концепта проявляется в богатом аксиологическом содержании: возраст человека является объектом оценки, как в аспекте внешнего облика, так и в аспекте внутренних, духовных, умственных качеств человека. Представление о возрасте обязательно включает нормативный аспект, поскольку в высказываниях со смысловым компонентом «возраст» обычно соотнесены характеристики некоего объекта с закрепленными в сознании нормативными представлениями о способностях, функциях, присущих человеку на определенной жизненной стадии.

Данный концепт является достаточно древним и культурно-обусловленным. Подтверждением этому может служить тот факт, что первое упоминание лексемы «age» относится к 13 веку. В английском языке это слово произошло от старофранцузского «aage».

Согласно хронологии, первый зарегистрированный случай употребления эвфемизма «пожилой» (elderly) вместо откровенного определения «старый» появился в 1611 году. Слово использовалось в качестве прилагательного, означающее «немного старый», но на современном английском языке это стало более мягким синонимом для слова «old».

С 18 столетия старые женатые пары назывались «Дарби и Джоан» (Darby and Joan). Это название происходит из известной баллады того времени. Первый «Клуб «Дарби и Джоан» (Darby and Joan club – термин, использующийся в Англии для обозначения «учреждения для старых людей») открылся в 1942 году. Учреждение, которое специализируется на размещении и заботе о стариках (с или без медицинского обслуживания) имеет свой собственный термин. Многие выражение эксплуатируют образы «конца дня», «конца жизни»: «дом заката» (eventide home), «дом захода солнца» (sunset home), «дом сумерек» (twilight home) (и работа, подразумевающая уход за престарелыми, цинично называется «промышленностью заката»

- sunset industry). «Санаторий для выздоравливающих» (convalescent home) и «дом престарелых» (nursing home) ставят акцент на медицинском лечении, но мы предполагаем, что многие обитатели довольно стары и находятся там не на лечении, а просто доживают свои дни. Выражение «дом отдыха» (rest home) ясно указывает на то, что его обитатели очень стары. Все эти эвфемизмы подразумевают под собой «удобный дом» (cosy home), и действительно слово «дом» (home) используется таким же образом: «Она становится слишком старой для того чтобы заботиться о себе; она должна будет жить в доме (престарелых)». «She's getting too old to look after herself; she'll have to go into a home») [Ayto, 232].

Наиболее тонким и вежливым является выражение – «пожилой возраст» (a certain age), прямой перевод французского словосочетания «в пожилом возрасте», которое появилось в английском языке в середине 18-ого столетия. Выражение, конечно, не означает «очень старый» (old), но подразумевает под собой неопределенный возраст между сорока и шестьюдесятью и основной его смысл заключается в том, что человек, таким образом, описанный (обычно женщины) прилагает все усилия, чтобы скрыть факты о своём возрасте.

Неудивительно, что возможно самый известный эвфемизм в английском языке - термин, о котором много людей без сомнения ответили бы как об эвфемизме в тесте на ассоциации слова - является определением «старого человека»: «пенсионер» (senior citizen). Термин появился в Америке в 1930-ых, и с тех пор распространился по всему англоговорящему миру (иногда в сокращенной форме «пожилой»). Его естественная среда обитания - канцелярский стиль и язык тех, кто имеет дело со стариками в профессиональном плане в крупном масштабе, но часто он сходит с губ любого, кто думает, что быть охарактеризованным в качестве «старшего» (подразумевая «вершину иерархии») и «гражданина» более достойно, чем просто «старый человек».

Как почти неизбежно с эвфемизмами, которые приобретают широкое распространение, слово «пенсионер» начинает терять свой внешний блеск. Но существует множество альтернатив.

Постараемся отметить различие в ассоциации между «старым человеком» (an old person) и «пожилым человеком» (an older person). Положительная степень прилагательного не оставляет никакого намека на двусмысленность, но сравнительная степень туманна, даже при том, что человек, описанный таким образом, может быть в ранней стадии старости. Стандартное применение этого значения слова, особенно в отрасли рекламы, является «пожилая женщина» (the older woman), которая бесспорно получила льготы на бесплатный проезд [Ayto, 229].

Термин «средний возраст» (middle age) тоже может быть использован для обозначения неопределенного возраста. С помощью простого вычисления можно обнаружить, что это значит «приблизительно тридцать пять», но немного 35-летних признались бы в том, что они «люди средних лет».

Даже в самой строгой интерпретации «средний возраст» (термин 20го века) не значил бы период до сорока лет, и на практике выражение «средний возраст» используется для обозначения периода от сорока до пятидесяти лет и даже выше. Как бы то ни было, это всё относительно: как сказал американский финансист Бернард Баруч: «Для меня «старым человеком» всегда является тот, кто старше меня на 15 лет» [Ayto, 231]. Самое последнее дополнение к этой терминологии возраста – «возраст человека от 55 лет и старше» (the third age). В качестве эвфемизма «старости» это выражение, по-видимому, основано на понятиях «молодежь» и «средний возраст» как первые две «ступени возраста», но оно вполне может быть неосознанной ссылкой на «страны третьего мира» как эвфемизм для самой бедной и неуважаемой нации мира [Ayto, 231].

Однозначно, использование эвфемизмов привлекает своей тщетной попыткой повернуть время вспять. Таким образом, «старики» превращаются в «юношей» и «старые женщины» считаются (или действительно считают себя) «девочками, девушками» (girls). «Опустите глаза, девушки» ведущий лотереи вызывает к аудитории, большинство которой оставили девичество далеко позади. Называя старого человека «деятельным» (active), мы просто привлечём внимание к его возрасту, настаивая на том, что он фактически не достиг состояния «дряхлости».

Слащавое выражение «в возрасте ... лет» (*so many years young*) являлось любимым способом, с помощью которого ведущие телевикторин покровительственно называли своих более старших соперников («Это Этель, она в возрасте семидесяти лет!» – «Here's Ethel. She's seventy years young!») [Ayto, 231].

Использование отрицания вместо утверждения необходимо, чтобы смягчить воздействие сообщения: таким образом «он уже не так молод, как был» («he's not as young as he was») с готовностью интерпретируется как «он становится достаточно старым» («he's getting quite old») и «она не первой молодости» («she's not in her first youth») или «она не первой свежести» («not in the first flush of youth») вполне может означать, что она находится «на волоске от смерти».

Другие стратегии, используемые для того, чтобы снять напряжение, возникающее при упоминании возраста, могут быть разделены на две главных категории: торжественная и почтительная, или более снисходительная.

Первая стратегия работает при выборе тех слов, которые дают положительную оценку старости. Очевидно, хорошо быть зрелым (*mature*). Все мы достигаем физической зрелости в подростковый период и умственной зрелости, в большинстве случаев, немного позже, но в «уютном» мире эвфемизмов выражения "зрелая женщина" или "зрелый мужчина" используются для обозначения людей средних лет, если не сказать старых. Прилагательное «уважаемые» (*distinguished*) открыто обозначает отмеченные совершенства, но мы были бы удивлены, обнаружив, что это относится к тем, у кого нет седины на голове. Обращение «Гранд-дама» (*grande dame*) предлагает уважаемую старшую (и, следовательно, старую) женщину в конкретной сфере деятельности (как в "Элизабет Дэвид, гранд-дама британских писателей в области кулинарии"), но его громоздкость искажает его использование в качестве эвфемизма; а обращение «старшина» скорее всего не обидит человека, потому что мы не научились расшифровывать его как "старый". «Бывалый» (*seasoned*) подразумевает не только более позднюю половину жизни, но и богатый опыт, накопленный в начале жизненного пути. И «заслуженный государственный деятель» (*elder statesman*), якобы почетный термин для

высокопоставленного политика, в настоящее время часто ассоциируется с любым старым отставным политиком (термин на самом деле пришел в английский язык в начале 20-го века в качестве обозначения участников Генро, группы вышедших на пенсию государственных деятелей, консультантов японского императора в прежние времена). Американская политкорректная терминология конца 20-го и начала 21 веков («пожилой» и «опытный» - *chronologically gifted* и *experientially enhanced*) стремится подчеркнуть положительные черты более позднего возраста [Ayto, 229].

Вероятно, не все подобные иносказания будут хорошо приняты, какими бы эвфемистическими не были их намерения. В настоящее время, пожилая, и, конечно, женщина средних лет не будет рада тому, что её любезно называют «матрона» (*a matron*), но предыдущие поколения использовали этот термин (буквально "замужняя женщина"), чтобы обозначить старость и её достоинства. Также за выражением «хорошо сохранившийся» (*well preserved*) кроется нечто большее, чем двусмысленный комплимент, как бы завуалировано он не звучал.

Слово «годы» (*years*) фигурируют в настоящее время в значительной степени для того, чтобы «замаскировать» понятие старости. Тот, про кого говорят, что он «престарелый» (*of advanced years*) - определенно стар, но выражение является достаточно более мягким и примитивным, чем «старый» (*old*), для того, чтобы употребляться, как эвфемизм. Выражение «на закате лет» (*sunset years*) является менее прямым и более сентиментальным, но все еще немного мрачный (выражение «на закате лет» (*twilight years, sunset years*) обозначает торжество красоты заходящего солнца, но не может не напоминать о темноте, которая следует за этим). Намного оптимистичнее звучит выражение – «золотые деньки» (*golden years*), американская «маскировка», которая изображает старость как лучший период жизни, годы зрелости и завершения, наполненные золотым светом. Тех, кто достигает этих счастливых лет, называют «пожилыми, старыми людьми» (*golden-agers*).

В США в 1970х г. использовались выражения «прожившие долгую жизнь» или «более долгое проживание» (the longer lived или the longer living) (обратите внимание на использование сравнительной степени прилагательного), которые начали вытеснять выражение «пожилые люди» (*senior citizens*) как эвфемизм, использовавшийся для обозначения 'стариков' (old people). «Человек преклонного возраста» (ageful) - выражение, придуманное в США в 1990 и предполагает некоторую зрелость.

Довольно новый эвфемизм для машин, транспортных средств, и всего, что является устаревшим, - это выражение «с истекшим сроком жизни», «изношенный» (life-expired), впервые появившееся в словаре в 1986.

Мы видим, что в состав фразеологических эвфемизмов могут входить словосочетания, состоящие из слов высокого стиля, например, *twilight years* («на закате лет» - состояние, близкое к концу жизни»). Также фразеологические эвфемизмы могут быть основаны на противопоставлении значений или антитезы, например, эвфемизм *girls* в значении «достаточно старые женщины». Эвфемизмы, употребляемые в речи, звучат гораздо более позитивно, чем обозначаемые ими явления и состояния. Например, выражения с положительной коннотацией *chronologically gifted* и *experientially enhanced*, служат для обозначения «старости» и «пожилого возраста». Также имеются случаи использования метафор, основанных на повседневной лексике – «*the third age*», данная фраза построена по аналогии с выражением «the third world».

Встречаются случаи особого образования фразеологических эвфемизмов, основанных на явлении антономазии, например, *to live in a sunset home/twilight home* – быть старым человеком, живущем в доме престарелых.

Необходимо сказать, что использование фразеологических эвфемизмов маскирует суть происходящего, зачастую пряча мрачные явления действительности под маской мнимого благополучия. Важно отметить, что фразеологические эвфемизмы отображают культуру и обычаи определенного народа, тем самым их изучение необходимо для более полного познания культуры народа [Ковалева, 2010]. Поэтому и анализ

фразеологических эвфемизмов концепта «возраст» указывает на то, что англичане и американцы не склонны говорить правду, тем более касающиеся табуированной темы «возраст».

Литература

1. Кунин, А.В. Фразеологизация и источники фразеологических единиц [Текст] / А.В. Кунин // Словообразование и фразеобразование: тезисы докладов научной конференции – М., 2002.
2. Ayto, John. Dictionary of Euphemisms [Текст] / John Ayto – Bloomsbury, 2003.
3. Ковшова, М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов [Текст] / М.Л. Ковшова // Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. – М.: Гнозис, 2007.
4. Ковалева, Т.А. Культурные особенности фразеологических эвфемизмов английского языка [Текст] / Т.А. Ковалева // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного языкового образования в Вузе. Вопросы теории языка и методики обучения». Вып.3.-Коломна: МГОСГИ, 2010.

Лунькова Лариса Николаевна
Larisa Lunkova

Когнитивная лингвистика: причины возникновения и перспективы развития

Cognitive linguistics: the reasons and prospects

Аннотация: Статья представляет собой обзор факторов, повлиявших на возникновение когнитивной лингвистики, как отдельной науки о языке, а также анализ условий, продолжающих формировать ее облик в настоящее время.

Abstract: The article is a brief survey of the reasons for the cognitive linguistics to come into existence as a particular language science. It also suggests an analysis of the modern conditions to shape and form this branch of linguistics.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивное значение, когнитивная модель.

Key words: cognitive linguistics, cognitive meaning, cognitive pattern.

Когнитивная лингвистика – детище XX в., и как многие современные гуманитарные науки в той или иной степени обязана своим появлением бурному научному взаимодействию

всех областей человеческого знания в этот период. Наиболее значимое влияние на развитие всех направлений гуманитарной науки оказывают исследования в области психологии и в конце 50-х – начале 60-х гг. прошлого века в противовес бихевиоризму возникает новое направление – когнитивная психология (Н. Хомски, Ж. Пиаже, Р. Аткинсон, Г. Саймон, Р. Солсо и др.). Когнитивная психология изучает процессы внимания, восприятия, понимания, запоминания и обучения, а также занимается проблемами обработки и ментальной репрезентации знания. По ее канонам, каждый человек воспринимает внешний мир сквозь призму созданной им познавательной системы. Латинский корень *cognitio* означает «знание, познание», *когнитивный* означает связанный с сознанием, с мышлением [Булыко, 2008: 274]. По определению профессора психологии Университета Невада-Рено (США) Р.Л. Солсо, одного из известнейших в мире специалистов и бесспорного авторитета в этой области, когнитивная психология, - это направление психологии, которое «... изучает то, как люди получают информацию о мире, как эта информация представляется человеком, как она хранится в памяти и преобразуется в знания и как эти знания влияют на наше внимание и поведение» [Солсо, 1996: 18].

В середине 70-х гг. XX в. термин *когнитивный* начинает употребляться для обозначения области исследований усвоения, накопления и использования информации человеком [Величковский, 1983]. Так, один из базовых вопросов классической психологии – о детерминации поведения человека – в когнитивной психологии получил новое освещение: поведение человека детерминировано его знаниями. Способность использовать в необходимое время необходимые знания связывается с понятием интеллекта. Изучение функции и роли знаний, используемых в ходе языкового общения, становится одним из ведущих направлений *когнитивистики*. В состав базы знаний исследователи включают следующие компоненты: 1) языковые знания: а) знание языка – грамматики (с фонетикой и фонологией), дополненное знанием композициональной и лексической семантики; б) знания об употреблении языка; в) знание принципов речевого общения; 2)

внеязыковые знания: а) о контексте и ситуации, знания об адресате (в том числе знание поставленных адресатом целей и планов, его представления о говорящем и об окружающей обстановке и т.д.); б) общефоновые знания (т. е. знания о мире): знания о событиях, состояниях, действиях и процессах и т.д. [Петров, Герасимов, 1988: 7]

Принимая вызов времени, лингвистическая наука довольно быстро адаптирует положения психологии и открывает новое направление - когнитивное. Возникновение когнитивной лингвистики связывается с точной датой: в 1989 г. собравшиеся на научной конференции в Дуйсбурге, Германия, вынесли решение о создании Международной ассоциации когнитивной лингвистики и выпуске журнала “Cognitive Linguistics”. В психолингвистике когнитивный подход - это такой подход, при котором изучается роль познавательных процессов в речевой деятельности. Когнитивное направление в лингвистике противопоставляется эмоциональности в языке и способам языкового выражения, вызывающим эмоциональные реакции. Понятие когнитивного языка (*cognitive language*) выделяется на фоне понятия эмотивного языка (*emotive language*), ведь «эмотивный язык имеет своей целью выразить или спровоцировать эмоциональные реакции, направленные на объект. Цель когнитивного языка – только означать» [Guddon, 1999: 257]. В лингвистике становится возможным заменять классический термин *денотативное значение* термином *когнитивное значение* (*cognitive meaning*) [Crystal, 2000: 423].

Когнитивная лингвистика сосредотачивает свое внимание на исследовании процессов взаимодействия между языком и познавательной способностью человека. В рамках этого направления язык представляет собой инструмент, посредством которого осуществляются процессы организации, обработки и производства информации [Richards, Schmidt, 2002: 84], в отличие от функциональной лингвистики, где язык предстает скорее как часть социального взаимодействия и коммуникации, нежели чем система формальных правил. В поле деятельности когнитивной лингвистики попадают проблемы теории

прототипа (*Prototype Theory*)⁴, исследования механизмов метафоры и создания образности и пр. Кроме того, большое значение придается функциональным принципам организации языка (например, связь формы и содержания языкового знака), взаимоотношениям синтаксиса и семантики, а так же анализу взаимодействия языка и человеческой мысли.

По определению, данному Дж. Лакофф когнитивной лингвистике в целом, «это попытка продемонстрировать, в какой степени все проявления реальности зависимы от определенного набора и порядка наших действий, обусловленных знанием, обозначаемым как *Идеализированная Когнитивная Модель*» [Лакофф, Джонсон, 2004: 158]. Когнитивная модель, в свою очередь, представляется как динамичная, радиальная структура, меняющаяся под влиянием опыта: динамичная, потому что во времени меняется категория знания; радиальная потому, что имеет центр и периферию. Центр и периферия когнитивной модели не абсолютизированы как общечеловеческие категории, они являются культурно и лингвистически обусловленными.

Для того, чтобы была активирована определенная когнитивная модель, достаточно минимального синтаксического или лексического маркера. Каждый раз для идентификации концепта не требуется развернутое определение или развернутый контекст. Кроме общей схемы, такая когнитивная модель включает более частные схемы, также сугубо индивидуальные и *a priori* различающиеся от субъекта к субъекту. Усложняется процесс тем, что все индивидуальные когнитивные модели динамичны: они непрерывно модифицируются и дополняются от контекста к контексту. Более того, количество контекстов бесконечно велико и даже

⁴ Теория прототипа относится к попыткам когнитивной лингвистики объяснить и структурировать процесс понимания и обработки информации. «Прототип – это человек или предмет, который рассматривается как типичный представитель своего класса или группы». Теория исходит из того, что большинство ментальных концептов, которыми оперирует человек, фактически представляют собой прототипы. Человек, как правило, определяет некоторый концепт, соотнося его с конкретным типичным предметом или явлением. Например, прототип птицы скорее будет представлять собой маленькую птицу, которая способна летать, нежели страуса эму. Существует также предположение, что теория прототипа может быть актуальной, когда речь идет о способности к адекватной коммуникации в конкретных социальных контекстах. Это означает, что мы ассоциируем определенные слова, фразы или общие тенденции коммуникативного поведения с людьми, которые их обычно используют, или с ситуациями, в которых они обычно встречаются. Теория прототипа оказалась продуктивной для анализа механизмов формирования концептов и исследования степени их культурной и языковой обусловленности.

максимально широкий контекст не всегда может являться необходимым условием для актуализации когнитивной модели.

Модель только единожды является новой, и после некоторого количества повторений становится принятой. И, наконец, главная идея теории заключается в том, что Идеализированная Когнитивная Модель, в терминологии Дж. Лакофф, - это не самодостаточный завершённый процесс, предшествующий восприятию, но процесс восприятия и обработки информации, который сам по себе служит цели усовершенствования и усложнения характеристик, структур и областей знания [Лакофф, Джонсон, 2004].

Когнитивная лингвистика определяет собственное отношение к конкретным уровням и элементам языка. Одним из важных объектов ее изучения становится грамматика. М. Фриман пишет: «Глубокое понимание грамматики автора непременно приводит нас к пониманию его взгляда на мир и, посредством этого, к пониманию нашего собственного взгляда на мир» [Freeman, 1995: 643]. Отводимое грамматике столь важное место в процессе познания не только себя, но и окружающего мира, не могло не повлиять на отношение к ней когнитивной лингвистики.

Грамматика любого языка не может более рассматриваться лишь в языковом пространстве, но непременно должна учитывать происходящие когнитивные процессы [Лакофф, Джонсон, 2004]. Новейшие исследования в когнитивной лингвистике показали, что и классическая и трансформационная грамматика далеко не всегда способны дать адекватное объяснение нетрадиционному использованию грамматических элементов уже потому, что придерживаются взгляда на грамматику преимущественно с опорой на формальную логику [Кубрякова, 2004]. Тем более, что такой подход исключает фантазию, воображение, творчество в целом, без чего трудно представить художественный текст. Иначе говоря, то, что недопустимо с точки зрения классической грамматики, с точки зрения «ментального пространства» становится абсолютно нормальным.

Существуя в мире, созданном из времени и пространства, в перманентном настоящем с определенным физическим

положением, в каждый отдельный момент времени человек как будто «привязан» к отдельному пространству и времени, зафиксирован в нем. В свою очередь, компоненты этого пространства и времени – социокультурные знания и опыт, воспоминания и т.п., т.е. идеализированная культурная когнитивная модель – обуславливают и личную точку зрения на окружающий мир, и его оценку. Вместе с тем, человек всегда способен осознавать границы собственного ментального пространства и сопоставлять их с другими ментальными пространствами. Можно менять время (прошлое или настоящее) и место нашего ментального пространства и далее создавать новые абсолютно противоположные пространства. Они возникают непрерывно в процессе мышления. В рамках такого подхода грамматические формы не просто явления синтаксиса или логического построения, но результат взаимодействия и взаимопроникновения всех способов обработки собственного опыта.

В предложении *Я представил себе, что я известная телезвезда и что я поцеловал меня* с точки зрения любой нормативной грамматики структура **именная группа – глагол – именная группа** предполагает наличие возвратного местоимения во второй именной группе, как, например: *Я нарисовал себя*. С точки зрения когнитивной грамматики структура нормативна, если как доминирующий фактор учитывать изменение ментального пространства.

Аналогичное явление можно наблюдать в других европейских языках. Например, нормативная грамматика английского языка предписывает построение предложения с использованием возвратного местоимения во второй именной группе: *I imagined that I'm a movie star and that I kissed myself*. Использование объектного местоимения рассматривалось бы как серьезная грамматическая ошибка. Та же универсальная грамматическая схема распространяется на грамматику немецкого, французского, испанского и др. языков.

Нем.: *Ich habe mir vorgestellt dass ich ein Filmstar bin und dass **ich mich** küsse*.

Фр.: *J'imagine que je suis vedette et que **je m'**embrasse*.

Исп.: *He imaginado que soy una estrella de cine y que he besado a mí.*

Вся интерпретационная сила когнитивной грамматики и шире - когнитивной лингвистики - заключается в ее способности объяснить, что говорит человек на самом деле, а не в том, чтобы определить часто спорные границы между тем, что возможно или невозможно с точки зрения грамматической нормы.

Довольно активное развитие когнитивного направления в лингвистике началось с 1980-х гг. и наиболее интенсивно продолжилось в 1990-х и 2000-х. Современные исследования в области когнитивной лингвистики представлены большей частью зарубежными авторами и существуют в данный момент на языке оригинала. Работы, доступные на русском языке совершенно немногочисленны. К ним относятся «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении» Дж. Лакоффа, а также статья Дж. Пешио «Социологическое воображение в современном англоязычном литературоведении». Но, следует признать, что ни один из этих источников не дает достаточного представления о когнитивном направлении в лингвистике как таковом.

Одной из немногочисленных отечественных работ является статья Е.В. Лозинской в энциклопедии «Западное литературоведение XX века». Автор в обобщенном виде представляет некоторые разработки зарубежных коллег и отмечает, что на них российская наука обращает внимание с опозданием и смотрит пока со стороны. Действительно, в современных российских исследованиях существует некоторый пробел, и многие серьезные справочные издания на русском языке не содержат даже связанных с когнитивной лингвистикой статей, а монографии не столь многочисленны.⁵ Однако, это не дает повода утверждать, что когнитивная лингвистика лишена

⁵ К их числу относится работа профессора К.А. Андреевой – См.: Андреева К.А. Грамматика и поэтика нарратива. - Тюмень: изд-во ТГУ, 1996.-156с.; профессора Саратовского госуниверситета И.А. Тарасовой – См.: Тарасова И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: На материале поэзии Г. Иванова и И. Алленского. дисс. ... доктора филологических наук: 10.02.01. - Саратов, 2004. - 484с.; профессора МГУ Кибрика А.А. – См.: Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу. // Вопросы языкознания. -1994. №5. С.126-139; профессора Кубряковой Е.С. – См.: Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. - М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 555с. Эти примеры, однако, суть исключения и отнюдь не свидетельствуют о широком распространении когнитивного подхода в отечественной лингвистике.

внимания со стороны российского научного сообщества. Напротив, обретает полноценный научный статус, развивая собственный терминологический и методологический аппарат.

На данном этапе когнитивная лингвистика в целом продолжает формироваться. И справедливости ради надо отметить, что даже признанные европейские исследователи не включают пока когнитивную лингвистику, а только лишь некоторые родственные термины, в круг энциклопедических понятий. Однако, согласно точке зрения М. Тёрнера, почетного профессора кафедры английского языка и литературы университета Мэрилэнда, США, автора основополагающих для когнитивной лингвистики книг, выдающегося исследователя, становится очевидным, что когнитивистика - это не очередной вариант новой лингвистической теории, «призванный заменить собой предыдущие ее разновидности, а фундамент для множества возможных теорий» [Turner, 2002: 9]. Сотрудничество с когнитивной наукой, безусловно, важно для лингвистики как новое направление междисциплинарных исследований. В известной степени когнитивная лингвистика представляет собой проект, состоящий в привнесении в науку о языке критериев, принципов и понятий из негуманитарных, естественных наук. В этом смысле на когнитивный метод можно возлагать большие надежды, поскольку он сулит новые перспективы в развитии подходов к анализу художественного текста, состоящего на данный момент из бесконечных интерпретаций и спекуляций, и дает ему возможность стать полноценно-научным эмпирическим исследованием, предполагающим применение количественных методов и т.п.

Литература

1. Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов. 35 тысяч слов. Изд. 2-е, испр. – М.: «Мартин», 2008. – 704с.
2. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. – М.: Прогресс, 1983. - 357с.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. - М.: Яз. славян. культуры, 2004. - 555с.

4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н.Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256с.
5. Петров В.В., Герасимов В.И. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. - Вып.23. – М.: Прогресс, 1988. С.7
6. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. - М.: Тривола, 1996. - 598 с.
7. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2000. – 480p.
8. Freeman M. Metaphor making meaning: Emily Dickinson's conceptual universe. // Journal of pragmatics, 24, 1995. P.643-66
9. Richards Jack C., Schmidt R. Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics. – England: Longman, Pearson Education. - 2002.– 594p.
10. Turner M. The Cognitive Study of Art. Language and Literature. // Poetics Today. – 2002. - 23.1, P.9-20

Политова Ирина Николаевна
Irina Politova

Сложные словосочетания с информативно избыточным и информативно недостаточным словом

Complex word-combinations with a superfluous information word and an insufficient information word

Аннотация: В статье рассмотрены особенности построения и функционирования в речи словосочетаний типа говорить громким голосом, женщина с красивыми глазами, девушка редкой красоты. Общая черта данных словосочетаний наличие синтаксически нечленимого словосочетания в позиции зависимого компонента. Синтаксическая неделимость подобного рода словосочетаний обусловлена информативной избыточностью или информативной недостаточностью имени существительного в контексте сложного словосочетания.

Abstract: The article touches upon the compositional and functional peculiarities of such Russian word-combinations as to talk in a loud voice, a woman with beautiful eyes, a girl of rare beauty, which all contain syntactically indivisible word-combinations in the position of the dependent component. Syntactic indivisibility of this type of complex word-combinations is conditioned by nouns in their structure which are either superfluous information words or insufficient information words.

Ключевые слова: сложное словосочетание, синтаксически нечленимое словосочетание, информативно избыточное слово, информативно недостаточное слово.

Key words: complex word-combination, syntactically indivisible word-combination, superfluous information word, insufficient information word.

Сложные словосочетания типа *говорить громким голосом, женщина с красивыми глазами, девушка редкой красоты* привлекали внимание лингвистов неоднократно [Виноградов, 1975: 238; Прокопович, 1966: 68–69; Алиева, 1982; Алиева, 1992; Сигал, 2006: 61–63; Политова, 2008: 247–256].

В составе данных сложных словосочетаний – синтаксически нечленимые (неделимые, цельные) словосочетания, выступающие в качестве зависимого компонента: *И Гаврик собственными глазами видел, как однажды на углу Пироговской и Куликова поля генерал с серебряными погонами бил писаря по зубам...* (В. Катаев); *Билет второго класса стоил дороговато: один рубль десять копеек* (В. Катаев). Нечленимое словосочетание состоит из существительного в роли главного компонента и прилагательного или адъективного слова (реже другого существительного) в роли зависимого компонента. Синтаксическая неделимость подобного рода словосочетаний обусловлена информативной избыточностью или информативной недостаточностью имени существительного в контексте сложного словосочетания.

1. К **сложным словосочетаниям с информативно избыточным словом** относим словосочетания типа *говорить громким голосом, женщина с красивыми глазами*.

Информативная избыточность главного слова нечленимого словосочетания особенно остро чувствуется в его соотношении с главным словом из сложного словосочетания: *смеяться (хохотать, заливаться) ... смехом, улыбаться ... улыбкой, говорить (сказать, спросить, кричать и т.п.) ... голосом (словами), плакать (рыдать) ... слезами, смотреть (глядеть) ... глазами, целовать ... губами, спать (заснуть) ... сном, ступать (ходить и т.п.) ... ногами; человек (мужчина, женщина, юноша, девушка, мальчик, девочка и т.п.) с ... головой (лицом, глазами, носом, ртом и т.п.)*. Обязательный зависимый компонент при таких существительных «нейтрализует» момент

избыточности: *плакать горькими слезами, женщина с крупным носом* и т.п.

Учитывая морфологическую природу главного компонента, сложные словосочетания с информативно избыточным словом можно разделить на две группы: глагольные и именные.

Глагольное словосочетание строится по модели «глагол + имя существительное в форме творительного падежа без предлога с зависимым компонентом атрибутивного значения».

В глагольных словосочетаниях информативно избыточное слово является обычно однокоренным по отношению к глаголу: *По мягким песчаным осыпям мы **спрыгивали** гигантскими, захватывающими дух **прыжками*** (В. Солоухин); *Все они **жалели** ее той особой, не обидной, чуточку даже эгоистичной **жалостью**, какую простые люди возмещают горький пробел в своем собственном безрадостном детстве* (Л. Леонов).

Глаголы, образующие подобные словосочетания, принадлежат к различным лексико-семантическим группам. Это может быть:

1) глагол бытия: *Мы шли по улице, а она **жила** дневной, шумной, карусельной **жизнью*** (В. Тендряков); 2) глагол движения: *Все обширное пространство по-прежнему пустовало, только маэстро в светло-шоколадном костюме **расхаживал** по нему слегка пружинящей **походкой*** (В. Солоухин); 3) глагол чувств: *В отличие от большинства учеников Лева Бочаров **любил** экзамены **любовью** спортсмена, верящего в свою непобедимость* (В. Тендряков); 4) глагол способа выражения эмоций: *Тимка **засмеялся** звонким, щебечущим **смехом*** (А. Гайдар); 5) глагол зрения: *Она то **взглядывала** на меня быстрым, но цепким **взглядом**, то опускала глаза* (В. Солоухин); 6) глагол действия-состояния: *Шорник затянулся, хлебнул дыму и **закашлялся** беззвучным **кашлем*** (В. Астафьев); 7) глагол принятия пищи: *Ела она по работе, основательно, **питалась** крестьянской здоровой **пищей*** (В. Астафьев).

Однако нередко встречаются примеры, в которых глагол и имя существительное не являются однокоренными, однако понятия, которые они обозначают, взаимосвязаны: *А отец*

*писал ему крупными, четкими буквами (Г. Семенов); Теплинка наша **разгорелась** ровным сильным **огнем** (В. Солоухин).*

Среди таких конструкций частотными являются словосочетания с глаголами речемыслительной деятельности. Информативно избыточными при таких глаголах выступают существительные: 1) «слово»: *Он **ругался** страшными **словами*** (В. Катаев); 2) «губы»: *...Запекшимися **губами** он часто **шептал** что-то на чужом, непонятном наречии* (А. Гайдар); 3) «голос»: *И мальчик **закричал** таким отчаянно громким **голосом**, что у него зазвенело в ушах* (В. Катаев); 4) «тон»: *[Варя]... самым невозмутимым **тоном** **спросила** что-то о Родионе* (Л. Леонов); 5) «баритон», «тенор», «фальцет»: *«Эх-эй, ребятушки, да дружно!» – **заводил** запевала надорванным, но приятным **тенором*** (А. Гайдар); *Уверенным, спокойным **баритоном** капитан **передавал распоряжения** ротмистру Шварцу* (А. Гайдар); *Он дрожащими пальцами застегнул на все пуговицы летнее пальто, поправил пенсне и резким **фальцетом** **закричал*** (В. Катаев).

Далее по частоте употребления следуют сложные словосочетания с глаголами движения, где в качестве информативно избыточных выступают существительные *шаги, походка, ноги*: *Рядом упругой, крепкой **походкой** **шагал** Федя и быстро говорил что-то командиру* (А. Гайдар); *Он скоро **вернулся** неслышными **шагами*** (В. Катаев).

Глаголы конкретного действия образуют сложные словосочетания со словом *движение*. Как правило, в роли главного компонента сложного словосочетания употребляются глаголы, обозначающие действия, связанные с движением рук: *Отец подрезал внутренности дыни перочинным ножичком и ловким, сильным **движением** **выхлестнул** их в окно* (В. Катаев); *Сжав губы, он коротким и точным **движением** **ударил** старика в ухо* (В. Катаев); *Валиес курил, быстрым **движением** **стряхивал** пепел* (З. Прилепин); *Если бы она была, если бы она слышала, какие слова говорят о ее дочери, то – кто знает! – может быть, она действительно перестала бы знакомым судорожным **движением** **растегивать** широкий солдатский ремень* (Б. Васильев).

В позиции зависимого компонента сложного словосочетания в подобных примерах используются слова *пальцы, руки*: *Он дрожащими **пальцами** застегнул на все пуговицы летнее пальто (В. Катаев); Дрожащими **руками** Поля накрывала на стол (Л. Леонов).*

Типичны для речи сложные словосочетания, в которых глаголы и зависимые существительные составляют соотносительные пары: 1) смотреть (глядеть, уставиться) – взгляд (глаза, зрение): *Он умоляющими **глазами** посмотрел на пассажиров (В. Катаев); Обострившимся **зрением** она глядела сквозь холщовую, свисавшую до полу карту советских лесов (Л. Леонов);* 2) хохотать (заливаться) – смех (голос): *И Степан Андреич **заливался** счастливым **смехом** (Т. Устинова);* 3) плакать (рыдать) – слезы (голос): *Притворно тонким **голосом** заплакал Гаврик (В. Катаев);* 4) спать (проспать, заснуть) – сон: *Он едва дотянулся разгоревшейся щечкой до подушки, как тотчас **заснул** крепким **сном** (В. Катаев);* 5) поцеловать (целоваться, чмокнуть) – губы (рот): *...Два раза **поцеловал** в губы жесткими солдатскими **губами** (В. Катаев).*

Встречаются и нестандартные, нетипичные случаи построения сложного глагольного словосочетания, свойственные в основном художественной речи: *Пересохшими **глотками** жадно **вдыхали** влажный лесной воздух... (А. Гайдар); Тогда он еще крепче обнял молодую сломанную березку, **посмотрел** на меня **спокойной последней улыбкой** и тихо уронил голову на вздрогнувший куст (А. Гайдар); Погрузив лицо в цветы, Варя **улыбалась** ей своими монгольскими, в ту минуту по-женски **привлекательными глазами** (Л. Леонов).*

К проанализированным сложным глагольным словосочетаниям относятся конструкции с общей семантической схемой «делать что-либо с ... лицом (глазами, руками)»: *Он [муж] удовлетворенно оглядывал свою работу и **со счастливым лицом** садился заниматься (Г. Николаева); Петя стал **нырять с открытыми глазами** (В. Катаев).*

Сложные именные словосочетания с информативно избыточным словом строятся по модели «имя существительное + имя существительное в форме творительного падежа с предлогом «с» с зависимым компонентом атрибутивного

значения»: *девушка с голубыми глазами, юноша с серьезным лицом*. В этих конструкциях в роли главного компонента обычно употребляется имя существительное, называющее одушевленное лицо (человека), а в качестве зависимого – имя существительное, называющее части тела: *Папа с красным от натуги лицом протискивал шкаф в узкую дверь подъезда (Д. Емец)*.

Однако речь может идти также о животном: *Ободранные базарные кошки с безумными, стоячими зрачками, прижав уши и хищно выставив лопатки, ползали по земле за добычей (В. Катаев)*.

Главное слово в сложном словосочетании может называть предмет, а зависимое слово – составляющую часть предмета, без которой он не мыслится: *...Полощет в ведре громадную литую кружку с жульническим толстым дном (В. Катаев)*; *Это была большая раскрашенная фотография красивого домика с готической крышей (В. Катаев)*.

Если из словосочетания рассматриваемого типа опустить определение, то зависимый компонент обретает характер избыточности: информация о существовании предмета уже заложена в главном компоненте сложного словосочетания. Ср.: *папа с лицом, кошка с зрачками, кружка с дном, домик с крышей*.

2. Очень близки к описанным выше группам сложных словосочетаний **конструкции с информативно недостаточным словом** типа *человек высокого роста, портфель большого размера, платье белой парчи, работа огромного значения, специалист высокого класса*.

Для таких словосочетаний также характерна строгая структурная модель реализации: «имя существительное + имя существительное в родительном падеже без предлога с зависимым определением». В них в позиции зависимого компонента так же, как и в вышеописанных случаях, употребляется нечленимое словосочетание.

Однако зависимое имя существительное не избыточно, а недостаточно по своей информативной природе. Не избыточно потому, что в нем заложена новая информация о предмете высказывания. Информативно недостаточно потому, что

словоформа в родительном падеже не называет конкретный признак предмета, а лишь указывает на характер оценки предмета, лица или явления. Именно поэтому оно нуждается в семантическом конкретизаторе и вступает в обязательные отношения с зависимым атрибутивным компонентом.

Словосочетания с информативно недостаточным словом можно разделить на группы в зависимости от того, в каком значении употребляется словоформа в родительном падеже.

При определении лица используются словосочетания:

1) с зависимым компонентом в значении «оценка внутренних качеств человека» (... ума, таланта, доброты, силы, нежности и т.п.): *Потом возле меня появилась Шура Горелик, человек твердых взглядов и целеустремленного характера* (В. Тендряков);

2) с зависимым компонентом в значении «качественная оценка внешних данных» (... красоты, привлекательности, вида): *В этой гимназии он заметил девицу редкой красоты* (В. Тендряков);

3) с зависимым компонентом в значении «возраст» (... возраста, лет): *...Стоял парнишка Петиных лет в расстегнутой вылинявшей рубашке* (В. Катаев);

4) с зависимым компонентом в значении «общественное положение, социально-профессиональный статус» (... класса, специальности, ранга, масштаба): *Неизвестный мне капитан второго ранга... писал* (В. Тендряков).

Как правило, в таких словосочетаниях роль главного слова выполняют существительные, характеризующие лицо по различным признакам: по половой принадлежности, по возрастной группе, по роду занятий и т.п. Однако при оценке человека в роли главного слова словосочетания может выступать не наименование лица, а слово, косвенно указывающее на лицо: *Сам кvasник являл собою вид такой непревзойденной, праздничной красоты, что Гаврик каждый раз, как его видел, не мог не остановиться на углу в порыве восхищения и зависти* (В. Катаев).

При определении животных, птиц и рыб чаще всего встречается зависимый компонент в значении «порода, вид» (...масти, породы, семейства). *Это была старая раненая кляча*

серой масти (В. Катаев); *И нам по-человечески было жалко его: эти беспощадные птицы всех пород хотят лишить его жизни* (М. Пришвин).

При определении предмета или явления используются словосочетания:

1) с зависимым компонентом в значении «внешний вид, внешние особенности» (... вида, внешности, цвета, формы, рисунка): *Боря Цветик недавно приобрел «Москвич» пожарного цвета* (В. Тендряков);

2) с зависимым компонентом в значении «размер» (... размера, длины, широты, высоты, диаметра, толщины, величины): *Бывало, надо напиться, а родничок в глубокой промоине. Сейчас срежешь стебель метровой длины да через него и напьешься* (В. Солоухин);

3) с зависимым компонентом в значении «материал» (... парчи, шелка, дерева, кирпича, глины, кости, металла): *Высокий купеческий картуз тонкого синего сукна...* (В. Катаев);

4) с зависимым компонентом в значении «время изготовления предмета-изделия» (... года, века, выпуска, образца): *Горбатенький «Запорожец» старого выпуска промчался по шоссе в мутном облачке брызг...* (В. Тендряков);

5) с зависимым компонентом в значении «разновидность, тип» (... класса, типа, вида, рода, сорта, значения, ранга, статьи, дела, степени, достоинства, сооружения, архитектуры, положения, обслуживания, предназначения, специфики, специальности): *Он [песок] напоминал манную крупу самого первого сорта* (В. Катаев).

На первый взгляд, данные сложные словосочетания имеют определенный, строгий порядок расположения главного и зависимого компонентов. Однако в речи можно встретить конструкции, в которых синтаксически нечленимое словосочетание употребляется в препозиции. Нарушение обычного порядка расположения частей сложного словосочетания свидетельствует о тесной смысловой спаянности формы родительного падежа с атрибутивным словом: *А на столе пышные, вкрадчиво богатой гаммы хризантемы* (В. Тендряков); *Он не кричал, не возмущался, а лишь щурил свои деревенской голубизны глаза* (В. Тендряков).

Тесная смысловая спаянность, «сила» связи формы родительного падежа имени существительного с прилагательным или другим адъективным словом увеличивается за счет того, что в составе предложения анализируемые словосочетания с обязательным зависимым компонентом, выступающие в функции определения, могут находиться в одном ряду с согласованными определениями: *В морозы в бане Гуськовых случилась пропажа: исчез **хороший, старой работы, плотницкий** топор Михеича (В. Распутин); Тогда она обменяла ее [ковригу] на **другую, свежей выпечки**... (В. Распутин).*

Вместе с тем в этих примерах создается впечатление некоторого отрыва нечленимого словосочетания от определяемого слова. Это положение усугубляется в конструкциях, где форма родительного падежа с адъективным словом стоит в ряду обособленных определений: *Зоя Зыбковец, очкастая некрасивая девица, не в пример Бочарову собранная, старательная, замкнуто тихая и **средних способностей** (В. Тендряков); Как и прежде, **блаженные, не от мира сего, современного обличья, но неизменной святости, предлагают** способы самоспасения (В. Тендряков).*

И еще более ощутима самостоятельность нечленимого словосочетания, выделенного за пределы грамматической структуры предложения, во вставную конструкцию: *Он окончил московский вуз, привез с собой столичные **(последнего образца!)** взгляды и столичную самоуверенность (В. Тендряков).*

И, наконец, полный отрыв нечленимого словосочетания от определяемого слова и разрушение сложного словосочетания происходит в том случае, когда информативно недостаточная форма родительного падежа имени существительного, вступающая в обязательные отношения с зависимым словом, употребляется в качестве именного компонента составного сказуемого: *Песок этот был **удивительной белизны и тонкости** (В. Катаев); Правда, брюхо у камбалы **воскового, поросячьего цвета** (В. Катаев); Блудово болото содержит огромные запасы горючего, но слой торфа не везде **одинаковой толщины** (М. Пришвин).*

Конструкции с информативно избыточными и недостаточными словами занимают особое место в общей системе словосочетаний. Их изучение важно для теории и практики преподавания синтаксиса, так как этот языковой материал иллюстрирует различные аспекты анализа словосочетания и предложения: сложное словосочетание, синтаксически нечленимое словосочетание, обязательные связи между компонентами словосочетания, члены предложения, выраженные словосочетанием.

Литература

1. Алиева, А. В. Синтаксически неразложимые словосочетания (типа «человек невысокого роста») [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. – Баку, 1982. – 182 с.
2. Алиева, А. В. Системный анализ синтаксически неделимых словосочетаний в современном русском языке [Текст] : дис. ... докт. филол. наук. – Баку, 1992. – 424 с.
3. Виноградов, В. В. Исследования по русской грамматике. Избранные труды [Текст]. – М. : Наука, 1975. – 559 с.
4. Политова, И. Н. Переходность в системе подчинительных словосочетаний в современном русском языке [Текст] : монография / И. Н. Политова. – Коломна: Коломенский гос. пед. инст-т, 2008. – 330 с.
5. Прокопович, Н. Н. Словосочетание в современном русском литературном языке [Текст]. – М. : Просвещение, 1966. – 400 с.
6. Сигал, К. Я. О двух типах обязательных атрибутивных компонентов (в связи с некоторыми вопросами теории синтаксиса) [Текст] // Синтаксические этюды. – М. : Акад. гуманитар. исслед., 2006. – С. 57–72.

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ

Мигдаль Ирина Юрьевна
Irina Migdal

Лингвокультурологический потенциал антропонимов вторичной номинации в рамках художественного текста

Anthroponyms of Secondary Nomination and Their Linguo- Cultural Potential in a Literary Text

Аннотация: Изучение особенностей функционирования антропонимов вторичной номинации в рамках оригинала и перевода художественного текста позволяет раскрыть важность учета индивидуально-авторской картины мира создателя произведения и национально-культурных особенностей восприятия читателей. Целью данной статьи является привлечь внимание к роли данных языковых единиц в передаче культурной информации об определенном лингвокультурном сообществе.

Abstract: Studying function peculiarities of anthroponyms of secondary nomination in the original and translated literary texts allows us to reveal the importance of the author's individual view of the world and the nationally cultural specificity of the reader's perception. The purpose of the article is to draw attention to the role of these language units in transferring cultural information about a certain linguo-cultural community.

Ключевые слова: культурно-маркированные языковые единицы, антропонимы вторичной номинации, культурный колорит.

Key words: culturally marked language units, anthroponym of secondary nomination, cultural coloring.

Изучение проблемы вживания имени собственного в другую культуру и социум, раскрытие способов приобретения и законов функционирования антропонимов вторичной номинации в текстах оригинала и перевода являются актуальными в современных условиях глобальной межкультурной коммуникации. С давних пор писатели и переводчики, обращаясь к инокультурной теме, стремились овладеть средствами создания так называемого «культурного (национального) колорита». При этом обычно речь шла о переводе произведения с иностранного языка, и трудность проблемы заключалась в том, что оригинал был написан для читателя, который не нуждался в объяснении специфических элементов своей культуры. Сложность работы переводчика при создании национального колорита заключается в необходимости

сохранить стиль оригинала, при соблюдении коннотативной прозрачности создаваемых образов.

Наблюдения показывают, что языковая практика накопила целый ряд приемов и выразительных средств, с помощью которых оказывается возможным не только сообщить читателю необходимую фактическую информацию, но и создать национальный колорит внешней культуры, произвести эмоциональное воздействие на адресата информации. Среди богатства существующих средств особое место занимают антропонимы вторичной номинации – языковые единицы, отражающие ассоциативную специфику мировосприятия представителей определенного лингвокультурного сообщества.

Процесс вторичного переименования, так называемой вторичной номинации, антропонима происходит в случае его функционирования в качестве источника образной экспрессии художественного текста в основе формирования ряда лексических стилистических приёмов, таких как метафора, метафорический эпитет, метонимия, антономасия. Антропонимы обретают вторичную номинативную функцию благодаря случайно возникающим ассоциациям, которые впоследствии закрепляются в речевой практике.

Изучение ассоциативного ряда, заложившего основу антропонима вторичной номинации, является ценным источником для изучения сознания, национальных особенностей и самобытности народа, который является носителем языка. Так, можно выделить следующие ассоциативные области, лежащие в основе вторичной номинации:

- ассоциации, связанные с именами собственными известных персонажей литературы, художественных, музыкальных произведений, персонажей кинофильмов, мультфильмов, спектаклей;
- ассоциации, связанные с именами фольклорно-мифологических персонажей;
- ассоциации, связанные с именами реальных исторических лиц;

- ассоциации, связанные с именами собственными деятелей искусства и культуры.

Что касается выбора признака, который лежит в основе вторичной номинации имени, то этот процесс, как считают многие ученые, состоит из четырех основных ступеней:

- 1) выделение объекта номинации;
- 2) изучение его свойств;
- 3) выделение признака, который в данном случае представляется ведущим для целей общения;
- 4) присвоение данному признаку имени на основании признака [Языковая номинация, 1977: 86-129].

Г.Ю. Князева пишет: «Известно, что наречение именем предмета или явления представляет собой сложный речемыслительный процесс и начинается он с изучения самого объекта номинации. При этом из целого ряда признаков объекта в основу номинации кладется один или два, которые называются мотивировочными признаками» [Князева, 2003].

Выбор мотивировочного признака – это сложный процесс, имеющий ряд отличительных признаков. С одной стороны, он имеет когнитивную природу, так как при выборе одного признака происходит абстрагирование от других признаков, а затем новый признак становится основой нового значения. С другой стороны, выбор признака носит объективно-субъективный характер. Объективный – так как отражает реальный признак объекта (действительного или вымышленного мира). Субъективный – из-за того, что сам выбор осуществлен человеком, то есть он абсолютно индивидуален.

Выбор мотивировочного признака зависит от следующих факторов:

- 1) от номинатора (его позиции, интенции);
- 2) от объекта номинации, его основных характеристик;
- 3) от канала получения информации (зрительное, вербальное, слуховое восприятие);
- 4) от ситуации общения;
- 5) от адресата;
- 6) от дискурса [Князева, 2003].

Что касается характера самого мотивировочного признака, то его можно условно разделить на внешний и внутренний. К

внешнему мотивировочному признаку можно отнести особенности внешнего вида объекта, его поведения. К внутреннему признаку относятся особенности характера, самовыражения.

Адекватное декодирование адресатом послания с использованием антропонимов вторичной номинации возможно только в том случае, если данные имена входят в социальный лексический фон, отражающий единое социальное когнитивное пространство. Используя индивидуальные фоновые знания, номинант выбирает те языковые средства, которые, по его мнению, обладают наибольшей интенсивностью воздействия. Однако в процессе перевода на другой язык нередко возникают сложности передачи ассоциативного ряда, закрепленного за данным антропонимом в языке и культуре текста оригинала.

Лингвисты по-разному представляют функции, которые должны выполнять антропонимы в художественном тексте. В. Бланар выделяет основную функцию - функцию идентификации, включающую в себя ряд подфункций: указание на родство, легализация человека в обществе, характеристика, указание на социальное происхождение. А.В. Суперанская концентрируется на четырех функциях: коммуникативной (сообщение, репрезентация), аппелятивной (призыв, воздействие), экспрессивной (выразительной), дейктической (указательной) [Суперанская, 2007: 271-273].

Основные функции антропонимов вторичной номинации в художественном тексте — номинативная и экспрессивная, дающие ключ для пониманию заложенного автором текста образа. При их переводе важно учитывать культурную специфику ассоциации, заложившей основу номинации, которая нередко не поддается саморефлексии и существует на бессознательном, не поддающемся вербализации уровне.

Сопоставительный анализ примеров использования антропонимов вторичной номинации в текстах оригиналов и переводов (на русский и французский языки) романа американского сатирика Кристофера Бакли «Boomsday» («День бумеранга») доказывает, что в процессе передачи образных характеристик исследуемых языковых единиц центральное место занимают фоновые знания переводчика, отражающие

особенности мировосприятия представителей определенной лингвокультуры. Именно акцент на ассоциативном образе данного типа антропонимов отражает значимость культурологического потенциала имени собственного в ходе достижения адекватности перевода.

Большинство выделенных нами антропонимов были использованы для характеристики героя. Однако заложенный в основе имени собственного образ был передан разными способами, в зависимости от степени известности упомянутых феноменов (прецедентных имен американской культуры) для носителей языка перевода. Среди областей – источников антропонимов можно выделить как феномены мировой культуры, так и специфически национальные явления американской истории и культуры:

Christopher Buckley Boomsday	Кристофер Бакли «День бумеранга» (перевод Леонида Мотылева)	Christopher Buckley “Départ anticipés” (перевод Olivier Deparis)
You work your butt off here – by the way, I’m giving you a bonus for the Japanese whaler account, good work, sales of whale meat in Tokyo are up six percent – and then you go home and stay up all night blogging with people who look like the Unabomber . It’s not healthy.	Вкальываешь без отдыха – вот, например, я выписал тебе премию за японских китобоев, отличная работа, продажа китового мяса в Токио выросла на шесть процентов, а ты после этого идешь домой и всю ночь занимаешься блоггингом с людьми, похожими на Унабомбера. Здорового в этом ничего нет.	Tu bosses comme une dingue ici tout la journée – à propos, faudra que je te file une prime pour le dossier du baleinier japonais, les ventes de viande de baleine à Tokyo ont augmenté de six pour cent – et quand tu rentres chez toi, tu passes tes nuits à bloguer avec des expéditeurs de colis piégés en puissant. C’est pas bon pour la santé, ça.
	переводческий комментарий – есть	переводческий комментарий – нет

В своей характеристике героя К. Бакли сравнивает ее с Унабомбером, не давая дополнительной информации о данном лице, знакомом американскому читателю. В русском переводе мы находим дополнительный комментарий, объясняющий, что Унабомбер – это прозвище, данное ФБР Теодору Джону Качинскому, американскому математику, социальному критику и опасному террористу, известному своей кампанией по рассылке бомб по почте. Во французском тексте, мы наблюдаем

замену используемого антропонима на описательный перевод «грузоотправители посылок с мощными взрывными устройствами», не дающий дополнительной информации о первоисточнике образа.

Christopher Buckley Boomsday	Кристофер Бакли «День бумеранга» (перевод Леонида Мотылева)	Christopher Buckley “Départ anticipés” (перевод Olivier Deparis)
Her fingers were playing across the keyboard like Alicia de Larrocha conjuring a Bath partita.	Пальцы забегали по клавишам, как у Алисии де Ларроча, исполняющей партиту Баха.	Ses doigt couraient sur le clavier tel ceux d’Alicia de Larrocha lancée dans une partita de Bach.
	переводческий комментарий – нет	переводческий комментарий – нет

Кристофер Бакли наделяет героиню своего произведения качествами виртуозного владения игры на пианино Алисией де Ларроча, известной испанской пианистки, посредством использования антропонима во вторичной его номинации. Переводчики могли бы заменить имя Алисии де Ларрочи на имя любого другого известного пианиста или пианистки, более понятного и близкого для русского или французского читателя, однако сохранили его без дополнительного комментария. Данный факт отражает уровень известности музыканта в мировой культуре.

Christopher Buckley Boomsday	Кристофер Бакли «День бумеранга» (перевод Леонида Мотылева)	Christopher Buckley “Départ anticipés” (перевод Olivier Deparis)
Once they did the IPO, he predicted, “we’ll be richer than King Tut».	Едва только, предсказывал он, пройдет первичное размещение акций, «мы станем богаче Тутанхамона».	Sit ô t l’IPO faite, promettait-il, ‘on sera plus riches que Toutankhamon’.
	переводческий комментарий – нет	переводческий комментарий – нет

В этом случае при переводе имени собственного с английского языка переводчики не столкнулись трудностями, так как имя Тутанхамона - фараона Древнего Египта из семнадцатой династии Нового царства, правившего приблизительно в 1332-1323 годах до нашей эры, изучается в рамках программы среднего школьного образования. Тем не

менее, написание антропонима не совпадает, так как в русском языке имя имеет единственный вариант – Тутанхамон, а в английском King Tut или Tutankhamun, что могло бы затруднить восприятие образа.

Christopher Buckley Boomsday	Кристофер Бакли «День бумеранга» (перевод Леонида Мотылева)	Christopher Buckley “Départ anticipés” (перевод Olivier Deparis)
You look like something out of Ann Rice novel. Unhealthy.	Ты выглядишь как персонаж из книги Энн Райс. Жуткий образ жизни.	Tu as l'air d'un personnage d'Anne Rice.
	переводческий комментарий – есть	переводческий комментарий – нет

Среднестатистическому российскому читателю вряд ли известен стиль произведений Энн Райс, а потому сложно представить с какого рода персонажем сравнивает автор главного героя. Следовательно, в русском варианте было сделано примечание о том, что Энн Райс – это американская писательница и автор «готических» романов о вампирах и ведьмах. Теперь у читателя выстраивается определенный ассоциативный ряд, согласно которому можно судить о внешних чертах, которые хотел передать автор посредством антропонима. Отсутствие комментария во французском переводе объясняется большей известностью готических романов автора во Франции, чем в России.

Christopher Buckley Boomsday	Кристофер Бакли «День бумеранга» (перевод Леонида Мотылева)	Christopher Buckley “Départ anticipés” (перевод Olivier Deparis)
Thank you, Nurse Ratched. The pills only make it worse when they wear off.	Благодарю вас, сестра Гнусен. От таблеток только хуже, когда их действие кончается.	Merci, mademoiselle Ratched. C'est encore pire quand l'effet des médicaments s'estompe.
	переводческий комментарий – есть	переводческий комментарий – есть

К. Бакли использует вторичную номинацию имени собственного «nurse Ratched» (в русском переводе «сестра Гнусен»), аллюзию на медсестру-садистку из романа К. Кизи «Над кукушкиным гнездом» и одноименного культового фильма М. Формана. Употребляя данное имя, автор гиперболизирует отвратительное и болезненное состояние главного героя. Однако присутствие переводческого

комментария в русском и французском текстах говорит об узком круге читателей, знакомых с книгой или фильмом.

Christopher Buckley «Boomsday»	Кристофер Бакли «День бумеранга» (перевод Леонида Мотылева)	Christopher Buckley “Départ anticipés” (перевод Olivier Deparis)
Yes, yes, yes to everyone – a regular Molly Bloom.	Да, да, да – всем и каждому, прямо Молли Блум какая-то.	Oui, oui, oui à tout le monde – une vraie Molly Bloom.
	переводческий комментарий – есть	переводческий комментарий – есть

В данном конкретном примере мы видим аллюзию на героиню романа Дж. Джойса «Улисс» - Молли Блум. Сложность для читателя будет состоять в том, что если он не знаком с творчеством Джойса, то ему будет весьма трудно определить характер персонажа. Сложность же для переводчика состоит в том, что это имя собственное следует либо заменить на прототип из родной художественной литературы, либо сделать ссылку с краткой информацией о Молли Блум, что и было сделано в переводах. Однако представленные комментарии в русском и французском текстах создают разные образы. В русском варианте Молли Блум охарактеризована как женщина нестрогих нравов, в то время как французский переводчик акцентировал внимание на частотности использования слова «да» в речи героини романа, который напомнил ему известный монолог героини Дж. Джойса в последней главе романа, часто рассматривавшийся как пример практически чистого «потока сознания» женского персонажа.

Christopher Buckley «Boomsday»	Кристофер Бакли «День бумеранга» (перевод Леонида Мотылева)	Christopher Buckley “Départ anticipés” (перевод Olivier Deparis)
For weeks afterward, Cassiopeia referred to her son at the dinner table, in front of guests, as “our own little Lee Harvey Oswald”.	После этого не одну неделю Кассиопея за столом перед гостями называла сына не иначе как «наш маленький Ли Харви Освальд».	Pendant des semaines à la suite de ça, au dîner, devant les invités, Cassiopeia appela son fils «notre petit Lee Harvey Oswald».
	переводческий комментарий – есть	переводческий комментарий - есть

Метафоризация героя с Ли Харви Освальдом, который, согласно общепринятой версии, был убийцей американского президента Дж. Кеннеди, осталось прозрачной для

французского читателя, но была дополнительно прокомментирована в русском переводе.

Christopher Buckley «Boomsday»	Кристофер Бакли «День бумеранга» (перевод Леонида Мотылева)	Christopher Buckley “Départ anticipés” (перевод Olivier Deparis)
I don't know. This is starting to give me the creeps. Urging old people to kill themselves. Norman Rockwell it ain't	Не знаю. Это как-то начинает меня пугать. Вся эта агитация за самоубийство, направленная на стариков. Не Норман Рокуэлл, прямо скажем	Je ne sais pas. Je commence à trouver ça un peu flippant. Encourager les vieux à se suicider. On est loin de Norman Rockwell
	переводческий комментарий – есть	переводческий комментарий - есть

Норманн Рокуэлл (1894-1978) – популярный американский художник, чьим произведениям часто был свойственен сентиментальный уклон. Наличие переводческого комментария (отражающего типичные черты стиля художника) в обоих переводах отражает новизну имени данного художника для неамериканского читателя.

Christopher Buckley «Boomsday»	Кристофер Бакли «День бумеранга» (перевод Леонида Мотылева)	Christopher Buckley “Départ anticipés” (перевод Olivier Deparis)
Randy held his ground like Stonewall Jackson at the Battle of Bull Run.	Ранди стоял как генерал Джексон Каменная Стена во время битвы на реке Булл-Ран.	Randy tint bon, tel Stonewall Jackson à la bataille de Bull Run.
	переводческий комментарий – нет	переводческий комментарий - нет

Антропоним «Джексон Каменная Стена» напоминает американцам о талантливом генерале Конфедеративных штатов Америки в годы Гражданской войны Томасе Джексоне, который за целеустремленность и стойкость в бою получил прозвище Каменная Стена. Прозвище, как правило, всегда является «говорящим», поэтому даже будучи не осведомленным в области американской истории, читателю не составит труда сделать вывод о твердости намерений главного героя. Введенное русским переводчиком звание конкретизирует социальный статус героя. Представленный же французский вариант сохраняет английское написание прозвища генерала, что затрудняет восприятие создаваемого образа.

На примерах текстов оригинала и переводов романа Кристофера Бакли мы убедились, что использованные в качестве стилистических приемов языковой выразительности антропонимы вторичной номинации берут свои истоки из абсолютно разнообразных сфер жизнедеятельности современного американского общества (искусство, политика, история, экономика и т.д.). Для передачи культурологической ценности подобных имен собственных необходимо учитывать не только традиции и особенности языка перевода, но и ассоциативное богатство данных языковых единиц в языке оригинала.

Таким образом, изучение особенностей функционирования антропонимов вторичной номинации в рамках оригинала и перевода художественного текста позволяет раскрыть важность учета индивидуально-авторской картины мира создателя произведения и национально-культурных особенностей восприятия читателей, в связи с чем, мы рассматриваем данное лингвистическое явление как важный фактор передачи культурной информации об определенном лингвокультурном сообществе. По нашему мнению, процесс восприятия иноязычного художественного текста и его дальнейшего перевода на родной язык должен учитывать прагматический характер значения данной группы иноязычной лексики, что, несомненно, будет способствовать дальнейшим исследованиям в этом научном направлении.

Литература

1. Buckley, Christopher. Boomsday. – New York: Twelve, 2007. – 320p.
2. Buckley, Christopher. Départ anticipés: roman, traduit de l'anglais (États-Unis) par Olivier Deparis. – Éditions Baker Street, 2008.- 479p.
3. Языковая номинация : виды наименований / [А.А. Уфимцева, Э.С. Азнаурова, В.Н. Телия и др. ; отв. ред. чл.-кор. АН СССР Б.А. Серебренников, д-р филол. наук А.А. Уфимцева] ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1977. - 358 с.
4. Бакли, Кристофер. День бумеранга. – М.: Иностранка, 2008. – 608с.

5. Князева Г.Ю. Курс лекций «Проблемы лексической семантики».- М.: МГЛУ, 2003.
6. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. Изд. 2-е, испр. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 368с.

Павлова Мария Сергеевна
Maria Pavlova

Национальная специфика и семантическая межъязыковая эквивалентность

National Specificity and Semantic Interlingual Equivalency

Аннотация: Статья посвящена анализу национально-культурной специфики семантики в тексте на естественном языке. В рамках настоящей работы обсуждаются типы информации в семантике языкового выражения, рассматриваются компоненты фреймовой семантики. В центр внимания ставятся вопросы, связанные с достижением максимально приемлемой семантической межъязыковой эквивалентности.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the national cultural specificity of semantics in a verbal text. The research discusses the types of information in the semantics of linguistic expression besides the components of the frame semantics are analyzed. High emphasis is placed on issues related to the attainment of the most appropriate cross-language semantic equivalence.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, фреймовая семантика, безэквивалентная лексика.

Key words: national-cultural specificity, frame semantics, lexical gaps.

В настоящее время наше общество находится в постиндустриальной стадии развития, основу которого составляет использование достижений научно-технического прогресса, развитие интеллектуальных технологий, что в свою очередь порождает существенные трансформации в жизни самого общества. Важнейшим фактором развития человеческого общества является взаимосвязь и взаимозависимость языка и культуры в экстралингвистическом аспекте. Как справедливо отмечает С.Г. Тер-Минасова: «Язык – зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [Тер-Минасова, 2008: 53].

Изучение и описание национальной специфики любого языка связано с изучением лексики и основывается на том, что в лексике синхронно и постоянно отражаются все исторические и социальные явления общества, материализуется культура народа. Особую важность представляет собой изучение национальной специфики семантики, поскольку именно с этой проблемой сталкиваются как переводчики в процессе перевода, так и преподаватели, обучающие иностранному языку. Отметим, что национальная специфика семантики слова является частным проявлением национальной специфичности языка и подтверждает существование уникальности и неповторимости национальной картины мира народа, говорящего на языке, отличающегося национальным своеобразием.

Под национальной спецификой семантики какой-либо лексической единицы следует понимать ее отличие по значению от сходных по семантике единиц языка сравнения. [Стернин, 2006: 69] Из данного утверждения вытекает, что национальная специфика значения лексемы какого-либо языка определяется только путем сопоставления с другим языком и является таковой лишь по отношению к данному языку. Так, например, в русском языке слово «бунгало» - «легкая загородная жилая постройка в тропических странах» обладает национальной спецификой семантики по отношению к английскому языку, где его соответствием является слово “bungalow”, которое семантически отличается от русского: «дом, имеющий один уровень, в котором нет лестниц». Таким образом, при сопоставлении значений слов бунгало и bungalow, мы отмечаем в качестве национальной специфики семантики русского слова наличие у него дифференциальной семы «легкая загородная постройка», а английского – наличие семы «дом, имеющий один уровень».

В русском языке слово дом – «здание, строение, предназначенное для жилья, предназначенное для различных учреждений, предприятий» обладает национальной спецификой семантики относительно его английского соответствия «house» - «здание для жилья, где обычно проживает одна семья». Сопоставляя значения слов дом и house, мы описываем как

национальную специфику семантики русского слова наличие дифференциальной семы – «для размещения отдельных учреждений и предприятий», а английского – «где проживает одна семья».

Приведем еще один пример: в русском языке слово ребенок «маленький мальчик или девочка до отроческого возраста» обладает национальной спецификой семантики относительно английского слова «brat» - «неуправляемый ребенок, который плохо себя ведет», которое является одним из его соответствий. При сопоставлении значений слово ребенок и brat мы отмечаем в качестве национальной специфики семантики русского слова наличие у него дифференциальной семы «до отроческого возраста», а английского – наличие семы «невоспитанный, неуправляемый».

Дальнейшее исследование приводит нас к пониманию того, что каждый язык обладает своей собственной национально-специфической семантикой лексических единиц. В семантике языкового выражения выделяют два типа информации: лингвистический (та информация, которую связывают с данным словом все носители конкретного языка) и экстралингвистический (фоновые знания, необходимые для правильной интерпретации тех или иных действий). В современной лингвистике используется термин «фрейм», который представляет собой структуру знаний об определенном фрагменте человеческого опыта. Возникновение фреймовой семантики позволяет реализовать различные способы представления знаний, получающих активацию в речемыслительной деятельности человека. Таким образом, фрейм представляет собой своеобразную когнитивную модель, передающую знания о том или ином объекте. Наша задача в сложившейся ситуации - совместить лингвистические и экстралингвистические знания, которые позволят выделить самые разнообразные семантические признаки в значении исследуемой лексической единицы художественного текста.

В качестве иллюстрации мы предлагаем рассмотреть и проанализировать русскоязычную и англоязычную новеллы для более полного понимания национально-культурной специфики культурно-маркированных единиц. При интерпретации

русскоязычной новеллы Ф.М. Достоевского «Ёлка и свадьба» мы сталкиваемся с феноменом безэквивалентной лексики (лексическими единицами одного языка, не имеющими эквивалентов в сопоставляемом языке). В ходе анализа русскоязычного текста нами было обнаружено, что безэквивалентность слов с суффиксами субъективной оценки более характерна для перевода с русского языка на английский, что достигается благодаря богатству русского языка уменьшительно-ласкательными суффиксами. Например, для передачи русскоязычных лексических единиц таких как «Это был человек сытенький, румяненький, плотненький, с брюшком, кругленький, как орешек» переводчики используют следующий вариант перевода на английский язык: «Julian Mastakovich was a somewhat corpulent man, heavy, well-fed, puffy-cheeked, with a paunch and ankles as round as nuts». Данный пример прекрасно иллюстрирует отсутствие уменьшительно-ласкательных суффиксов в английском языке, что не позволяет достичь желаемого эффекта для описания мальчика.

Следующий пример, на наш взгляд, является в какой-то степени более показательным для иллюстрации фреймовой семантики: «The last child, a tiny chap of ten, thin, red-haired, freckled, in a sorry looking little nankeen jacket, came into possession of a small book of nature stories without illustrations or even head and tail pieces». Сравнивая с русскоязычным оригиналом: «Наконец, последний ребенок, мальчик лет десяти, худенький, маленький, весноватенький, рыженький, в курточке из убогой нанки, получил только одну книжку повестей, толковавших о величии природы, о слезах умиления и прочее, без картинок и даже без виньетки», мы приходим к выводу о том, что английский язык не способен передать ту сильнейшую эмоциональную окрашенность лексических единиц, которая в русском языке достигается путем использования уменьшительно-ласкательных суффиксов.

Более того, данный пример иллюстративен в плане фреймовой семантики, характеризующей национально-культурную специфику русского языка. Наше внимание привлекла лексическая единица «little nankeen jacket», которая требует особой интерпретации и обладает огромнейшей

смысловой нагрузкой, которую англоязычный читатель не может оценить, вследствие отсутствия данного понятия в их культуре. «Nankeen jacket» - это куртка из нанки, ткани китайского происхождения, отличающаяся буровато-желтым оттенком и использовавшаяся как материал для одежды простого класса. То есть, лишь с помощью данной лексической единицы мы можем судить о социальном положении мальчика. Но мы хотим обратить ваше внимание еще на одну культурно маркированную лексическую единицу, присутствующую в данном примере: «a small book of nature stories without illustrations or even head and tail pieces» соответствующую русскоязычному оригиналу «даже без виньетки». На наш взгляд, англоязычный перевод лексической единицы «виньетка» не в полной мере соответствует русскоязычному значению. Даже мы, при прочтении данного фрагмента на английском языке не смогли сразу понять, что речь идет о виньетке. Понятие «виньетка» появляется в России в эпоху модерна и представляет собой орнаментальные или сюжетные композиции в книгах. Таким образом, фреймовая семантика слова «виньетка» позволяет нам судить сразу о двух положениях: 1) мы имеем представление о времени происхождения действия (эпоха модерна конец XIX - начало XXв), 2) книга без виньетки вновь служит показателем социального положения мальчика.

Итак, мы пришли к выводу о том, что без интерпретации фреймовой семантики некоторых лексических единиц русскоязычного текста англоязычный читатель не сможет в полной мере почувствовать ситуацию и проанализировать те или иные действия.

В новелле «Ёлка и свадьба» мы также сталкиваемся с понятием альтернативно-безэквивалентной лексики. Безэквивалентными в переводе на английский язык являются разговорно-фамильярные обращения, которые при переводе либо совсем опускаются, либо заменяются подобными в таких ситуациях обращениями. К примеру, в рассматриваемой новелле эмоционально окрашенные лексические единицы «милое дитя», «душенька», «милое и благонравное дитя», «милая девочка», которые придают тексту особое очарование и скрытый смысл, на английский язык передаются лишь одним

выражением «*my dear*», что не позволяет в полной мере оценить всю серьезность атмосферы чарующей лести.

Для анализа национально-культурной специфики англоязычного художественного текста нами был рассмотрен известный рассказ «*Lottery*», автором которого является Шерли Джексон (Sherley Jackson). Данный литературный шедевр блестяще иллюстративен в плане интерпретации вертикального контекста. Текст изобилует огромнейшим количеством фреймовых структур, которые требуют прочных фоновых знаний культуры.

Так мы сталкиваемся с пластом альтернативно-безэквивалентной лексики в контексте имен собственных, имеющих ярко выраженную внутреннюю форму – так называемые «говорящие имена». Для более глубокого понимания контекста имена здесь требуют детального и описательного объяснения. К примеру, яркий контраст фамилий: *Mr. Summers* и *Mr. Grave*. “*Grave*” изначально дает нам понять, что финал будет трагическим, каким бы ни было прекрасное, солнечное летнее утро. Фамилия *Delacroix*, означающая в английском языке “*of the cross*” является христианским символом мученичества, символизирует женщину с данной фамилией как лицемерную женщину, которая несет бремя убийцы (в действительности, будучи подругой главной героини, она берет самый большой камень, для ее убийства).

Даже сам метод казни в рассказе является символичным и сводится к Библии, что дает нам новое понимание данной истории. Многие из первых христианских мучеников были забиты камнями до смерти, и они являются символом невинности. Более того, известная фраза Иисуса “*He who is without sin cast the first stone*” находит свое непосредственное отражение в финальной фразе данного рассказа: «*And they were upon her*», которая не говорит нам о том, что происходит на самом деле, но благодаря вертикальному контексту мы приходим к пониманию смерти.

Фреймовая семантика фамилии главной героини также заслуживает отдельного рассмотрения. *Tessy Hutchinson* ссылается на *Ann Hutchinson*, основательницу пуританской колонии, которая обладала новыми взглядами на Бога, которые

не были приняты в обществе. В конечном итоге, ее отлучили от церкви и она, со своими 15 детьми была убита. Параллелизм между этими двумя женщинами предельно ясен: для Ann Hutchinson отлучение от церкви ознаменовало духовную смерть, так же как изгнание из общества Tessy Hutchinson также означало смерть.

Итак, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

1. Художественный текст может являться средством трансляции культурно-маркированной лексики и представлять собой языковое поле для исследования взаимодействия языка и культуры.

2. Культурно-специфическая информация находится в культурном компоненте лексической единицы, и фоновые знания являются крайне необходимыми для адекватной интерпретации вертикального контекста художественного произведения.

3. Под влиянием социальных и культурных факторов в произведении формируется языковая картина мира, отражающая особенности национального характера, но национальная специфика значения лексической единицы какого-либо языка может быть выявлена только при сопоставлении с другим конкретным языком и является таковой только по отношению к этому языку.

Литература

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. - М.: Международные отношения, 1980.
2. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). - М.: Изд-во МГУ, 1992.
3. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. - М.: «Восток-Запад», 2006. - 206с.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учебное пособие) - М.: Слово/Slovo, 2008.
5. Хантимиров С. М. Экстралингвистический компонент семантики слова // Вестник ВЭГУ. 2009. №3 (41)

Трунова Ольга Владимировна
Olga Trunova
Бубнова Ирина Алесандровна
Irina Bubnova

**Грани и границы межкультурного общения
Международный семинар «Язык, литература, культура
как грани межкультурного общения»**

**Verges and boundaries of intercultural communication
International seminar “Language, literature and culture as
verges of intercultural communication”**

Аннотация: В статье анализируется проблема взаимодействия культур и возникающего в этой связи межкультурного общения. В начале статьи приводится обзор нормативных документах, принятых Европейскими странами, предметом которых был вопрос контакта культур и наций. Далее по тексту авторами приводится критический обзор и комментарии ряда публичных выступлений авторитетных лингвистов по указанной проблематике. В частности, рассматриваются вопросы смены приоритетов изучения языков в зависимости от политической ситуации, повышения интереса зарубежных лингвистов к русской культуре, выявления прикладного характера лингвокультурологии, усиление процессов интеграции, как результат формирования транснациональных корпораций и ряд других.

Abstract: The article seeks to analyze the problem of cultural interaction and of intercultural communication that is bound to the former. At the beginning of the article a short review of standard documents on the question of cultural and nations contacts approved by European countries is provided. Hereinafter the authors provide a critical review with comments of a number of public speeches given by competent linguists on the above mentioned problem. In particular the issues of language learning priorities shift considering political situation, rise of interest towards Russian culture among foreign linguists, applied nature of linguaculture, gain of integration processes as a result of formation of transnational corporations and some others are being considered.

Ключевые слова: межкультурное общение, культура, Европейская культурная конвенция, поликультурное общество, лингвокультурология, процессы интеграция.

Key words: intercultural communication, culture, European Cultural Convention, polycultural society, linguoculture, integration processes.

Понятие “intercultural communication” родилось в середине прошлого столетия в глубинах антропологии, как признают его «родители» Э.Т. Холл Дж. Л. Трейгер, из необходимости помочь определенным властным структурам (в частности, представителям дипломатического корпуса) наладить отношения, прежде всего, в рамках взаимодействия этносов в своей стране. [Hall & Trager, 1953, Электронный ресурс]. Уже через год оно берется на вооружение Советом Европы,

правительства членов которого подписывают Европейскую культурную конвенцию. Цель Конвенции, согласно ее официальному резюме, определяется как «развитие взаимопонимания между народами Европы и взаимного уважения их культурного разнообразия, сохранение европейской культуры, содействие национальным вкладам в общее культурное наследие Европы» [European Cultural Convention, 1954, Электронный ресурс].

В трех из одиннадцати статей документа определяются самые общие стратегии по осуществлению межкультурной интеграции. Они предполагают:

- закрепление за каждой культурой статуса «общего культурного достояния Европы» при сохранении страной права защиты её аутентичности (Статья 1);
- обеспечение возможностей для развития мультилингвизма и поликультурного образования (статья 2);
- создание условий осуществления межкультурного обмена (статья 4).

Конвенция отвечала духу времени и в его геополитическом контексте представляла несомненную значимость, поскольку в ней было определено языковое равноправие для тех стран Европы, население которых говорило на нескольких языках, и закреплено право на владение культурными артефактами. Были также сформулированы правовые основания для осуществления культурных и образовательных обменов. Это была «закрытая матрица», не раскрывающая стратегических перспектив, а потому не могущая, как отмечается, принести прогнозируемые результаты [Можейко, 2013, Электронный ресурс].

Почти сорок лет спустя после принятия Европейской культурной конвенции, на первом саммите глав государств и правительств Совета Европы была подчеркнута необходимость построения открытого общества. Пути к реализации проекта усматривались во взаимодействии культур. Но только пятнадцатью годами позже увидел свет документ, расширяющий и конкретизирующий эти постулаты. В мае 2008 года на сто восемнадцатой сессии Комитета министров Совета Европы была принята «Белая книга по межкультурному

диалогу» [White Paper, 2008, Электронный ресурс]. Этот документ вывел основные проблемы в области межкультурных отношений (в том числе, и в первую очередь, проблемы непонимания другой культуры, ведущего к межкультурным конфликтам), констатировал значимость осуществляемых межкультурных контактов для мирного сосуществования в поликультурном обществе, определил перспективы и направления их развития.

В рамках сегодняшней ситуации многомерного коммуникационного пространства эти проблемы встают как никогда остро. Волна интереса к проблематике межкультурного общения не ослабевает на протяжении пятнадцати лет. На гребне этой волны в октябре – ноябре 2014 года в Чехии под патронатом Чешско-Российского общества, Чешской ассоциации русистов, Кафедры русистики и лингводидактики педагогического факультета Карлова университета в Праге, при участии Пражского экономического университета, Западнечешского университета в городе Пльзень прошел Международный семинар «Язык, литература, культура как грани межкультурного общения». Координацию организационных вопросов осуществляла фирма TERIS.

В день начала работы семинара с приветственной речью к участникам семинара обратился генеральный директор фирмы TERIS доктор технических наук Карел Дах, который отметил важность проблематики семинара и подчеркнул необходимость восстанавливать и расширять научные, культурные, образовательные контакты между странами, в чем, собственно, и заключалась миссия проводимого мероприятия. Таким образом был задан его вектор, общий тон и настрой.

Первую лекцию читала профессор Пражского экономического университета (Высшая школа экономики в Праге) Мария Хорватова. Лекция была посвящена динамике развития языковой заинтересованности и смены приоритетов в плане изучения языков в зависимости от политической ситуации в стране, в Европе и в мире. Приведенная в презентации двухмерная диаграмма дала возможность показать характер, степень и скорость фиксируемых изменений, продемонстрировав предназначение языка как средства

социальной и политической включенности. Было отмечено, что интерес к русскому языку в Европе, в большей мере в странах Варшавского договора, после Второй мировой войны был чрезвычайно высок, но резко упал в конце семидесятых годов. По понятным причинам его реабилитация потребовала длительного периода времени и оказалась более затруднительной в силу широкого распространения английского языка как одного из европейских языков международного общения. Импликатура выступления ясна: политическая ситуация в мире, распределение сил, экономическая заинтересованность представляют факторы, воздействующие на стремление владеть определенным языком. Они создают основания для смены государственных приоритетов в языковой политике. Вопрос о механизмах осуществления указанных изменений остался открытым для дискуссий, которые сопровождали каждое выступление, разворачиваясь в официальной обстановке и продолжаясь во время перерывов.

Понятно, что культурно-политическая жизнь страны подвижна. Меняются эпохи, уходят в забвение одни жизненные принципы и ценности, им на смену приходят другие. Возникают и развиваются культурные контакты, изменяется образ мира, соответствующим образом изменяется его языковая картина. Эта тема стала центральной в лекции профессора филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Ольги Викторовны Александровой, показавшей характер, направления и каналы заимствований, приносимых в родной язык и отечественную культуру. Причиной наблюдаемого явления служит тот факт, что современный мир, несмотря на все перипетии настоящего момента, – это мир всё-таки открытый (или пока только приоткрывшийся?). Открыта возможность профессионального и научного общения, технического и экономического сотрудничества, возможность участия в культурных событиях не только своей страны, широчайший обмен происходит в области искусства, действует программа мобильности студентов и преподавателей. Получаются новые знания, заимствуется стиль.

Язык в выполнении своей репрезентативной (по К. Бюлеру) функции является системой чувствительной по

отношению к событиям, происходящим за рамками ее внутренних закономерностей и законов. В нем отражаются происходящие в мире социально-политические изменения и ценностные доминанты. В условиях свободного доступа к мировой культуре во всех ее проявлениях, растущих свобод передвижения и миграционных процессов, расширяющегося информационного потока возникает необходимость и появляется возможность «живого общения», знакомства с нравами, обычаями, традициями народов других стран. 31 Октября мы наблюдали в Праге празднование Halloween, традиции, пришедшей на Британские острова от древних кельтов Ирландии и распространившейся по всему миру. Этому, по-видимому, способствует тот факт, что праздник давно утратил свои языческие мотивы, сохранив лишь карнавальную атрибутику, приобретающую в современной интерпретации совсем не зловещий вид.

Приобретаемые социально-культурные новшества заимствуются вместе с обозначающими их языковыми единицами. Из отечественной культуры и родного языка уходят «лавочки» и «булочные», на смену им приходят «boutiques» и «boulangeries». Вопросу иноязычных (английских) заимствований была посвящена лекция профессора Вильнюсского технического университета Эрнесты Рачене «Язык и культура в процессе глобализации». В лекции определены объективные причины, способствующие расширению зоны распространения английского языка как языка информационного обмена в разных областях межнационального культурно-экономического общения, что, собственно и возводит именно этот язык в статус языка-посредника. Этому также способствуют многочисленные факторы общепарадигмальной ситуации научного, финансового и производственного развития США, а также возрастание ее роли в осуществлении политики планетарного масштаба.

Отмечая, что процесс заимствований явление естественное и что самая заимствуемая страта языковой системы – это лексис, профессор Рачене высказала тезис о том, что активные интрузии английского языка действуют разрушительно на язык-реципиент (в данном случае,

литовский), а язык как носитель культуры являет собой часть национальной идентичности. Поэтому важно, чтобы государства следовали в этом отношении четкой языковой политике.

Отметим, что этим вопросом занимаются не только лингвисты и политики (хотя понятно, что законодательными приемами запретить или приостановить заимствования из языка-донора в язык-реципиент невозможно), но и общественность. Например, старшее поколение датчан выступает против использования так называемого языка Denglish (портманту от Danish и English). В Германии существует общественное движение «Verein Deutsche Sprache», занимающееся проблемой сохранения национального языка.

Вопрос заключается в том, насколько, активно и с удовольствием заимствуя чужое, мы остаемся собой, сохраняем свою национальную, этническую идентичность, изменяется ли наше мироосмысление, и если изменяется, то в какую сторону, что происходит с нашими собственными ценностными ориентирами.

По этому поводу приведем одну маленькую зарисовку, оставив ее без комментариев. В ходе работы семинара все его участники имели возможность познакомиться с достопримечательностями и культурными памятниками страны, ее обычаями, традициями и праздниками. Тем, кто в суетности перемен времени свидетельствовал поспрашивание собственной истории, показалось значимым и достойным уважения празднование Дня независимости Чехословакии более чем через десять лет после распада союзного государства.

Отступая от хронологии проведения семинара, отметим, что четко аргументированная научная концепция по отношению к проблемам национальной самоидентификации и общечеловеческим ценностям была представлена в лекциях профессора института гуманитарных наук МГПУ Ирины Александровны Бубновой «Дискурс национальной идентичности на постсоветском пространстве» и «Современный русский образ мира: тенденции развития». Как результат глубокого научного исследования И.А. Бубнова выдвигает постулат о том, что в ситуации интеграции в европейское и –

шире – мировое геополитическое пространство важнейшими принципами, обеспечивающими жизнестойкость нации, являются приверженность устойчивым интериоризированным культурным константам и определенность ценностных ориентиров. Это те факторы, которые способствуют предотвращению обезличивания этноса и сведению мирового культурно-политического устройства до статуса “global village”. Это те факторы, которые препятствуют формированию секулярного мировоззрения, наивысшей в иерархии ценностей которого признается бездуховная ориентация на удовлетворение (всё возрастающих и чаще материальных) запросов и потребление сиюминутных благ. Поэтому в складывающейся сегодня ситуации межкультурного общения так важно, понимая и принимая особенности иной культуры, удержаться от полного переформатирования собственной, чтобы еще раз не создать предпосылки возникновения феномена «потерянного поколения».

В работе семинара принимала самое активное участие основоположник лингвокультурологического направления в отечественной науке, всемирно известный ученый и общественный деятель, Президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор Светлана Григорьевна Тер-Минасова. В первой из четырех прочитанных ею лекций «Язык и национальная безопасность» раскрывалась проблема различий в контекстном толковании лексических единиц, способных в случае интерпретации без опоры на широкий круг культурных ассоциаций привести к непониманию, расхождению в оценках и даже спровоцировать конфликтную ситуацию. Поэтому большую значимость приобретает знание обычаев, традиций, ценностных ориентиров страны, в которую мы часто пытаемся ворваться «со своим уставом». Приводимые примеры этнических анекдотов свидетельствуют о невежественности тех, кто их воспроизводит. Понимание истоков и основ многих национальных обычаев, знание системы чужого языка, законов формообразования и структурирования высказываний создает предпосылки взаимоуважения и толерантности.

Проблеме толерантности была посвящена лекция профессора Пражского экономического университета (Высшая школа экономики в Праге) Сергея Борисовича Гарбитского, который дал критический анализ «Белой книги по межкультурному диалогу». Он отметил, что в применении этого принципа (одного из главных принципов сосуществования народов в мультикультурном пространстве) необходимо соблюдать паритет. В противном случае это может привести к одностороннему либерализму, результаты проведения в жизнь которого не заставляют себя ждать.

Вообще говоря, понятие толерантности амбивалентно. Об этом, кстати сказать, более полувека назад писал Ивлин Во в маленьком эссе “Tolerance”, поставив в его конце достаточно серьезный вопрос: *“Twenty-five years ago it was the fashion for those who considered themselves enlightened and progressive to cry out against intolerance as one of the damning sin of their time. The agitation was well founded and it resulted in elimination from our social system of many elements that are cruel and unjust. But in the general revolution of opinion which followed, has not more been lost than gained?”* (E. Waugh)

Удивительно, но все происходящие в эти дни события вписывались в рамки проблематики семинара. В то время как его участники обсуждали вопрос о толерантности, проявляя все признаки уважения к оппозиционным точкам зрения, в семистах километрах от Праги, в Кёльне начались массовые волнения. Их причиной были отнюдь не футбольные пристрастия. Их причины кроются в расхождении характера мироосмысления, в непризнании чужой правоты и права на выбор.

Три рабочих дня участников семинара принимала Чешская ассоциация русистов. Руководил работой Президент ассоциации магистр Йиржи Клапка. Человек широкой всесторонней эрудиции, харизматичный, хорошо знающий культуру и литературу своей страны и России, он превратил заседания и последующие культурные мероприятия в настоящий праздник. Его лекция «Чешско-Российские культурные отношения в течение двух веков» сопровождалась декламацией стихов на нескольких языках, исполнением музыкальных фрагментов, показом иллюстраций к

публикуемым изданиям русских классиков. Вторая лекция «Национально-культурное и литературное наследие Праги» проходила «en plein air» по маршруту Градчаны – Собор св. Вита – Золотая улочка, мимо дома, где жил Франц Кафка – Карлов мост – Староместская площадь с боем часов на Ратуше.

Один из дней был «литературным».

В своей основополагающей лекции «Классическая художественная литература как фактор национальной идентичности» Профессор С.Г. Тер-Минасова отметила, что «главным инструментом формирования национальной идентичности является язык, который хранит и формирует национальную культуру». Двойственность функций художественной литературы заключается в том, что, с одной стороны, в ней отражаются ценности, характер, стиль жизни народа, с другой, - этот характер и стиль жизни, равно как и ценности опосредованно формируются сквозь призму художественного вымысла.

Доктор филологии, преподаватель кафедры русистики и лингводидактики педагогического факультета Карлова университета в Праге, ученый, широко известный в своей стране и за рубежом, Радка Гржибкова представила лекцию «Русские ассоциации в творчестве Эгона Гостовского», чешского писателя-эмигранта с трудной судьбой и блестящим творческим наследием. Его высокий профессиональный уровень стал очевидным уже в первых романах: «Семь раз о главном» (о приходе к власти нацистов), «Иностранец ищет квартиру» (почти биографический роман, написанный на основе его эмигрантского опыта). Его романы «Благотворительный бал» и «Полуночный пациент» имели широкий резонанс и были экранизированы. В его творчестве много психологизма и философии. Возможно, именно это дает основания исследователям ставить его в один ряд с такими русскими писателями как Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский.

Судьба писателя эмигранта стала основной темой в лекции члена Чешской ассоциации русистов Анны Хлебиной, выступившей с лекцией «Русский писатель-эмигрант в контексте европейской культуры: Аркадий Аверченко в Чехословакии».

Доклады и сообщения членов Чешской ассоциации русистов показали неослабевающий интерес к русской культуре и литературе, к творчеству и судьбам, к поиску сходств. Результаты глубоких исследований легли в основу докладов «Крысолов» М. Цветаевой» - преподавателя Карлова университета в Праге Антонина Главачека, «Русская эмиграция в Чешской республике 1918 – 1929 гг. и судьбы русских художников» - сотрудника Славянской библиотеки Национальной библиотеки в Праге Анастасии Копрживовой, «Йозеф Швейк и Евгений Онегин» - магистра Йиржи Клапки.

В программу семинара входили также лекции, доклады и сообщения о форматах языковой организации: «Функциональная реконфигурация системных отношений в языке» (профессор Ольга Владимировна Трунова), об отдельных аспектах изучения языковых экспликаций: «Презентация эмоциональной семантики в русском сложном предложении» (профессор Елена Сергеевна Ярыгина), о внутренних языковых процессах: «О реализации принципа экономии в современном английском языке» (доцент Е.А. Вишнякова), «О гибридизации специальной лексики в английском и русском языках (на материале современного финансового дискурса)» (аспирант МГУ В.В. Степанов), о характере и особенностях языковой картины мира и ее фрагментов, о о проблемах и трудностях перевода. Последнему вопросу была посвящена лекция профессора Татьяны Георгиевны Поповой «Культурологическая концепция перевода».

Вопрос о прикладном потенциале лингвокультурологии был поставлен в одной из первых лекций лекционных сессий семинара профессором кафедры теории преподавания иностранных языков МГУ имени М.В. Ломоносова Ольгой Дмитриевной Вишняковой. Основой аналитического аппарата концепции профессора О.Д. Вишняковой является понятие культурного концепта как ментальной сущности, содержательное наполнение которой отражает культурный опыт определенного этноса в преломлении к его индивидуальной переработке в сознании отдельного представителя данного этноса. Естественным при этом представляется разграничение универсальных культурных концептов и концептов, связанных

рамками определенной культуры. Универсальные культурные концепты, как, собственно, любые универсальные концепты, по сравнению с культуроспецифическими концептами имеют минимальные интерпретативные расхождения. Но именно эти минимальные различия доставляют большие сложности в освоении, усвоении и понимании сущности явления в разных культурах, что было наглядно продемонстрировано в лекции на примере концептов FREEDOM и PRIVACY в культурах разных англоязычных этносов (Великобритания, Австралия, Канада, США, Нидерланды). Дефиниционный, дистрибутивный и контекстуальный анализ актуализирующей концепт языковой единицы выводит имеющиеся различия на уровень формального маркирования. В учебном процессе создается эвристическая образовательная среда [Хуторской, 2003], способствующая получению выводного знания. Это инновационная методика, возникающая на пересечении интересов лингвистики, культурологи, теории познания и дидактики.

В рамках акмеологической концепции формирования образовательной среды была выдержана лекция профессора Тульского государственного университета Виктории Ивановны Ивановой, обратившей внимание присутствующих на существование в области высшего образования конкуренции за качество интеллектуальных ресурсов. Этот фактор, а также то, что в науке и профессиональной деятельности происходит постоянное расширение интеграционных процессов, возникает множество международных организаций, не просто приветствуется, но принимается как необходимый показатель профессионального роста мобильность преподавателей и студентов, требуют повышения уровня знаний иностранных языков на ступени послевузовского образования.

Проблемы обучения русскому языку как иностранному были освещены в лекции профессора кафедры русистики Университета Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве Елены Михайловны Марковой «Учет лингвокультурных особенностей лексики при обучении русскому языку как иностранному».

Рассмотрение проблем и направлений в современной лингводидактике продолжилось в один из рабочих дней семинара, когда его участников принимал Центр фонда

«Русский мир» в г. Пльзень, созданный по инициативе Западночешского университета. Сотрудниками центра были предложены две презентации. Руководитель Центра, заместитель директора Института языковой подготовки Западночешского университета магистр наук Власта Клаусова познакомила собравшихся с целями и перспективами развития первого (из двух) Чешских Центров фонда «Русский мир». Присутствующие познакомились с программой его работы, которая включает проведение семинаров и курсов повышения квалификации для преподавателей русского языка как иностранного, чтение лекций по русской культуре, профессиональные мастер-классы, встречи с представителями русскоязычной диаспоры в Чехии, презентации перспектив лингвистического образования. Усилия, предпринимаемые сотрудниками центра несомненно способствуют популяризации русского языка и культуры как важных элементов мировой цивилизации, что составляет центральную задачу фонда «Русский мир»

Предметом второй презентации была издательская деятельность Центра. Кроме периодического журнала «Русский мир» сотрудники Центра и преподаватели университета выпускают учебно-методические материалы. Особое внимание привлек «Учебник русского языка» (издание Computer Press, Brno, 2011 год). Это методологически и дидактически грамотно составленное учебное пособие, авторы которого Ольга Белинская и Адам Янек придерживаются концепции обучения иностранному языку через знакомство с его культурой. В нем используются аутентичные тексты и даже названия традиционных тематических разделов имеют высокий коннотативный потенциал. Например тема «семья, характер, настроение» озаглавлена строчкой из песни Максима Леонидова «дела отлично, как обычно», название темы «времена года» – «Вот и лето прошло» напоминают учащимся о творчестве Арсения Тарковского, тема «свободное время и хобби» однозначно соотносима с одной из самых популярных интеллектуальных телевизионных игр «Что? Где? Когда?». В названиях тем опосредованно, в пословицах и поговорках отражена российская «картина мира», принципы, по которым

мы живем и работаем. Например «сделал дело, гуляй смело» (о профессиях и профессиональной занятости), «когда я ем, я глух и нем» (подтемы «русская кухня», «русское гостеприимство», «в ресторане»).

Тему обучения иностранному языку в соответствии с принципами лингвокультурологического направления в современной лингводидактике продолжила методист Центра фонда «Русский мир» кандидат наук, победитель второго Международного конкурса «Лучший учитель русской словесности зарубежья» Варвара Михайловна Головатина. Тема ее сообщения «Образ России в учебниках русского языка как иностранного» чрезвычайно актуальна, поскольку формирование представления о стране, её культуре, ее людях, характере межличностных отношений происходит в процессе освоения учебного материала. Основу методики, используемой В.М. Головатиной, составляет опора на аутентичный языковой материал, применение ассоциативного метода и интерактивного режима общения. Важным фактором является создание аутентичной коммуникационной среды.

В лекции доктора филологии из Лингвистического центра Латвийского университета Евгении Кутасиной, представленной в этой сессии, речь также шла о значимости многоязычия, которая подтверждается расширяющимися межличностными и межгосударственными контактами. Особенно важным владение несколькими иностранными языками является, как считает доктор Е. Кутасина, для открытого пространства Евросоюза, обеспечивающего интенсивную мобильность и открывающего возможности профессиональной реализации.

Семинар завершился работой круглого стола, свободной беседой и поиском причин происходящих изменений в отношениях, культурах, языках. И как бы ни не любили мы слово «глобализация» (пусть даже в силу того, что эта идеологическая доктрина насаждается миру Соединенными Штатами), но то, что происходит в науке, технике, торговых отношениях, разного рода контактах, демонстрирует развертывание совершенно новой парадигмы и нового формата сосуществования.

В 1998 году министры образования Франции, Германии, Великобритании и Италии подписали Сорбонскую декларацию [Sorbonne, 1998, Электронный ресурс], цель которой состояла в создании общих положений по стандартизации Европейского пространства высшего образования. Одним из важных положений декларации было положение о мобильности студентов и преподавателей, должной способствовать расширению образовательных контактов и повышению квалификации. Уже через год двадцать девять стран подписали Болонскую декларацию [The Bologna, 1999, Электронный ресурс], ставя перед собой задачу обеспечения конкурентоспособности в сфере высшего образования. В 2003 году к этому соглашению присоединилась Россия. Это серьезный фактор культурного и научного взаимообогащения, роста интеллектуального потенциала и научно-технического процесса.

Мы идем по Праге и видим вывесками компании TESCO – крупнейшей теперь уже транснациональной (ранее Британской) сети розничной продуктовой торговли, одной из крупнейших в мире торговых сетей по продаже мебели и товаров для дома, нидерландской производственно-торговой компании ИКЕА. В России открываются магазины французской компании розничной торговли Carrefour, второй по величине в мире после американской компании-ритейлера Walmart, кстати, успешно осваивающей Европу. В настоящее время в мире насчитывается семьдесят три тысячи транснациональных корпораций, существование которых считается важнейшим фактором развития интернационализации мировой экономики.

Интеграционные процессы становятся всё более интенсивными. Понятно, что их обеспечению должно сопутствовать «многоязычие», которое для Европы уже не новшество, а условие сегодняшнего дня. Россия вписывается в эту матрицу. На этом фоне языковые контакты неизбежны, а, следовательно, также неизбежны и заимствования. Сферы и причины заимствований иноязычной лексики разнообразны. Хорошо известно, что исконные слова языка обычно многозначны. Заимствуемое слово приходит из языка-донора с одним конкретным значением и, чаще всего, это область

терминологических заимствований, обусловленная требованием к терминологическому обозначению.

Другая причина заимствований в том, что английский язык широко распространен в силу исторических условий. Научно-технические достижения в странах, говорящих на английском языке, высоки. Сопровождающая их продукция документация, естественно, пишется на английском языке. Развивающееся сотрудничество настоятельно требует знания этого языка.

Третья причина: появляются артефакты, не имеющие номинантов в родном языке. В 1967 году в СССР было принято постановление о переходе на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными. Не сразу нашлось слово для обозначения этого явления. Это было английское слово *weekend*, которое, как в Англии, так и в нашей стране изменило первоначальный смысл «конец недели» на «конец рабочей недели», то есть дни отдыха. Поэтому англичане говорят “*have a good weekend*” (желаю хорошо отдохнуть). Вообще, вся Европа говорит, как минимум, на трех языках. И это, давайте признаем, хорошая тенденция. Признаем также и то, что есть и нежелательные заимствования. Например, как отмечает профессор Э. Рачене, из употребления выходят привычные оценочные слова *красивый, сильный, привлекательный, милостивый*. Их заменяет чужое слово *сексуальный*. И это уже означает сдвиг в системе общепринятых ценностей.

Среди законов жизнеобеспечения системы очень важным является закон самосохранения. Очевидно, что национальные культуры в любых условиях стремятся к сохранению собственной идентичности. Поэтому, надо полагать, как культуры, так и языки благополучно пройдут период естественных бифуркаций. Но, поскольку и то и другое есть атрибут человеческой природы, человек (мы все) должен прилагать усилия в этом направлении. Важно только понять, что, как введением норм ГТО невозможно оздоровить нацию, так невозможно заставить в одночасье поменять минус на плюс.

Литература

1. Можейко В. Власти Беларуси присоединяют страну, сами не знают к чему // Культура. – Минск, 16.09, 2013. – [Электронный ресурс] URL: http://naviny.by/rubrics/culture/2013/09/16/ic_articles_117_183021/

2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
3. Хуторской А.В. Дидактическая эвристика: Теория и технология креативного обучения. - М.: Изд-во МГУ, 2003. - 416 с.
4. European Cultural Convention. – Paris, 1954. Официальный перевод на русский язык [Электронный ресурс] URL: <http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=edition02&issid=2000001000&docid=5813>
5. Hall E.T., Trager G.L. The Analysis of Culture. – Washington, 1953. – 66 pp. [Электронный ресурс] URL: <http://www.state.gov/documents/organization/224663.pdf>
6. Sorbonne Join Declaration // Joint declaration on harmonization of the architecture of the European higher education system. – Paris, the Sorbonne, 1998 [Электронный ресурс] URL: http://www.ehea.info/Uploads/Declarations/SORBONNE_DECLARATION1.pdf
7. The Bologna Declaration. Joint declaration of European Ministers of Education. – Bologna, 1999 [Электронный ресурс] URL: http://www.ehea.info/Uploads/about/BOLOGNA_DECLARATION1.pdf
8. White Paper on Intercultural Dialogue. – Council of Europe, Strasbourg, 2008. – [Электронный ресурс] URL: http://www.coe.int/t/dg4/intercultural/source/white%20paper_final_revised_en.pdf
9. Русский вариант – [Электронный ресурс] URL: http://www.coe.int/t/dg4/intercultural/Source/Pub_White_Paper/WhitePaper_ID_RussianVersion.pdf

СПИСОК АВТОРОВ

Братцева Елена Федоровна – старший преподаватель, департамент иностранных языков Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

E-mail: elenabrattseva@yandex.ru

Телефон: +7-(812) 300-83-49

Бубнова Ирина Александровна - доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной филологии Института гуманитарных наук ГБОУ ВПО города Москвы «Московский городской педагогический университет»

Телефон: +7-(499)-181-40-13

E-mail: kafedragf@mail.ru

Киосе Мария Ивановна - доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики НОУ ВПО Международный институт менеджмента ЛИНК

E-mail: maria_kiose@mail.ru

Телефон: +7-(915)-414-23-99

Ковалева Татьяна Анатольевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Государственного социально-гуманитарного университета г. Коломна

E-mail: z-tatiana@yandex.ru

Телефон: +7-(903)-252-52-79

Кузьменкова Юлия Борисовна - доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой английского языка на факультете менеджмента НИУ ВШЭ, Москва

E-mail: kuzmen11@yandex.ru

Телефон: +7 926 116 49 26

Лосева Алла Владимировна - доцент кафедры английского языка на факультете менеджмента НИУ ВШЭ, Москва

E-mail: alla.loseva@gmail.com

Телефон: +7-(495)-152-47-91

Лунькова Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка ГСГУ (г.Коломна), доцент

Е-mail: loralu@list.ru

Телефон: + 7-(985)-179-99-52

Марчук Юрий Николаевич - доктор филологических наук, профессор, академик Международной Академии Информатизации, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой прикладной и теоретической лингвистики института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

Е-mail: marchuk43@migmail.ru

Телефон: +7-(903)-270-11-25

Мигдаль Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, зав.кафедрой английского языка факультета иностранных языков ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»

Е-mail: iramigdal@rambler.ru

Телефон: + 7-(926)-180-69-60

Политова Ирина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» (г. Коломна)

Е-mail: i.politova@gmail.com

Телефон: +7-(916)-917-91-25

Павлова Мария Сергеевна - аспирантка первого года обучения кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Государственного социально-гуманитарного университета

Е-mail: marija-pavlova1993@yandex.ru

Телефон: +7-(963)-658-27-39

Трунова Ольга Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук ГБОУ ВПО города Москвы «Московский городской педагогический университет»

Е-mail: kafedragf@mail.ru

Телефон: +7 (499) 181-40-13

Уважаемые коллеги!

Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ) сообщает о начале приема статей для следующего номера научно-исследовательского журнала «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)».

В журнале публикуются статьи, рецензии и библиографические обзоры, информация о конференциях, семинарах и круглых столах по следующей тематике:

1. Теория и практика преподавания языков на всех уровнях
2. Устный и письменный перевод
3. Лексикография
4. Терминоведение и терминография
5. Социолингвистика
6. Психолингвистика
7. Язык средств массовой информации
8. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация
9. Стилистика и анализ дискурса
10. Информационно-коммуникационные технологии в прикладной лингвистике
11. Языковая ситуация в различных регионах мира.

О журнале

Научный журнал «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» освещает результаты исследований в разных областях гуманитарного знания, связанных с изучением языка в его прикладных аспектах и на широком фоне культурной, социальной, политической жизни народов, на нем говорящих, т.е. «мира изучаемого языка», без знания которого невозможно ни международное, ни межкультурное общение.

Издание зарегистрировано в **Международном центре ISSN**, входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре), Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 года.

Каждый из выпусков журнала направляется в Российскую книжную палату, которая осуществляет рассылку

журнала «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» в Российскую государственную библиотеку и другие ведущие библиотеки, образовательные и научные учреждения Российской Федерации.

Качество публикуемых статей контролируется редколлегией, в состав которой входят ведущие ученые, возглавляющие научные секции Национального общества прикладной лингвистики. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить заявку на публикацию по результатам отзывов рецензентов.

Авторы несут ответственность за точность и достоверность содержащихся в их материалах сведений научного и энциклопедического характера.

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Требования к оформлению статьи

Все статьи, поступающие в редакцию, должны быть оформлены строго в соответствии с требованиями. Статьи, оформление которых не соответствует предъявляемым требованиям, рассматриваться не будут.

В начале статьи предоставляются следующие сведения: фамилия, имя и отчество (полностью) автора (авторов), название статьи, ее аннотация объемом 40–50 слов, ниже отдельной строкой – ключевые слова. Сведения должны быть предоставлены на русском и английском языках.

Андреев Сергей Петрович
Sergey Andreev

Язык представителей хип-хоп культуры: от социолекта к дискурсу

The language of hip-hop culture: from sociolect to discourse

Аннотация. Хип-хоп культура, как и рэп лирика, до недавнего времени находилась на периферии научного знания, как явление «маргинальное», «антисоциальное» и «массовое». Дискурсивный подход, предполагающий рассмотрение текстов в связи друг с другом, а также с явлениями окружающей действительности и социальной реальностью, позволяет сделать анализ комплексным и выявить внутренние закономерности языка отдельной социальной общности.

Abstract. The linguistic features of various subcultures used to be on the periphery of science until recently as something, considered to be “marginal”, “antisocial”, “popular”. As the result of communicative approach and anthropological turn in linguistics this situation has recently changed. In our research we make an attempt to define special features of the language of hip-hop culture taking into consideration the category of discourse.

Ключевые слова: хип-хоп культура, социолингвистика, дискурс, сленг, социолект, текст, рэп.

Key words: hip-hop culture, sociolinguistics, discourse, slang, sociolect, lyrics, rap.

Для подготовки статьи должен использоваться текстовый редактор Microsoft Word и шрифт Times New Roman. Документ должен быть сохранен в формате *.rtf

Поля: по 2 см со всех сторон.

Объем статьи 5 – 8 страниц формата А4, ориентация – книжная. Шрифт – обычный, размер шрифта – 14 пт, междустрочный интервал - 1,5.

Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi и прилагаться отдельными файлами.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

– т. е. перефокусирование, которое мы рассматриваем как разновидность дефокусирования [Ирисханова, 2010].

Смена функции номинации с не прямой на прямую в тексте применительно к одному референту свидетельствует в пользу того, что такое наименование при повторном использовании способствует конвенционализации или закреплению [Кубрякова, Ирисханова, 2012: 184] его трансформированной структуры. Так, Р. Лэнкер отмечает, что «можно говорить о развертывающейся шкале конвенционализации когнитивного явления. Каждое использование некоторой структуры оказывает положительный эффект на степень конвенционализации, в то время как продолжительные периоды не-использования - отрицательный. Посредством повторного использования окказиональная структура (novel structure) постепенно конвенционализируется...» [Langacker, 1987: 59].

В конце статьи должны быть размещены сведения об авторе (авторах): ученая степень, ученое звание, должность, структурное подразделение, вуз, электронный адрес и контактные телефоны.

Иванов Алексей Павлович - кандидат филологических наук, доцент института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

E-mail: alexei_ivanov@yandex.ru,

Телефон: +7-906-754-41-22

По всем вопросам, касающимся публикации статей в журнале «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики», просьба обращаться на электронный адрес редакционной коллегии журнала limw.editor@gmail.com.

Научно-исследовательский журнал

**УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Национальное общество прикладной лингвистики

Коллектив авторов

Подписано в печать 14.07.2015. Формат 60х90/16

Заказ № 30861. Тираж 1000 экз.

Типография Академии акварели и изящных искусств

art-tipografia.ru

117133, Москва, ул. Академика Варги, 15

Тел.: (495) 531-55-55

academy.andriaka.ru